

СМЕНА

9

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЕСНЯ О СТАЛИНГРАДЕ

Слова А. ФАТЬЯНОВА.

Музыка Г. ГОЦА.

Обработка В. Сереежникова.

Взгляни, мой товарищ, мой друг
фронтовой,
На матушку Волгу взгляни,
Всю ночь до рассвета
над русской рекой
Горят золотые огни.
Недавно мы берегом этим
прошли —
Дорогою горя и слез,

Пятнадцать шагов
сталинградской земли
Равны были тысяче верст.
Горели над Волгой иные огни,
Друзья здесь чертили друзей,
И стали навек сталинградские
Былينوю Отчизны мой.

И снова мы здесь, на переднем
ираю,
И вновь нам героим слыть,
Как всем ветеранам, бывавшим
в бою,
Повсюду положено быть.
Разбитые камни о нас говорят,
Что мы тверже камня, друзья.

Мы к жизни вернули родной
Сталинград,
В том сила твоа и моя.
Взгляни, мой товарищ, мой друг
фронтовой,
На матушку Волгу взгляни.
Всю ночь до рассвета
над русской рекой
Горят золотые огни.

Умеренно, заданно

Музыкальная партитура для фортепиано. Включает ноты для правой и левой руки с динамическими обозначениями: *mf*, *dim.*, *tr*, *pp*, *rit.*

Взгляни, мой товарищ, мой друг фронтовой, на матушку Волгу взгляни.

Музыкальная партитура для вокала и фортепиано. Включает ноты для вокала и фортепиано с динамическими обозначениями: *pp*, *rit.*, *pp*.

Всю ночь до рассвета над русской рекой то горят во-ло-ты-е ог-
ни.
Всю ночь до рассвета над русской рекой то горят во-ло-ты-е ог-
ни.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Май, № 9, 1959 год.

Год
издания
36-й

Сталинград, Набережная Волги,
Фото М. Грачева.

Веселый май расправил ветки,
Горит над нами солнце жизни,
Идет дорогой семилетки.
Весна земли — весна Отчизны,
Наш День Победы правдой светел,
Сраженьям отдали мы юность,
Чтоб на земле сегодня к детям
Рука войны не прикоснулась.

Валентин КУЗНЕЦОВ

На снимке: в Трептовпарке Бер-
лина. Памятник воинам Советской Ар-
мии, павшим в бою с фашизмом.

Фото Альфреда Пасковьяна.

О П Н И

Рассказ

С аперный взвод лейтенанта Карамышева весь этот день готовился лезть у автострелы Фюрстенвальде — Берлин. Только перед вечером закончили работу: ошкуренные краем ступили на полну, и лейтенант дал приказ: людям заслуженный отдых.

Зашло солнце. Пала крупная роса. Хорошо было бы обмыться, но острого не разжигали. Только под густой кроной вяза чуть-чуть дымила походная кухня и в подполке гдано тлели угли.

Уже в сумерках пришли три «ЗИСа с прицепами». Шофера одной из машин саперы хорошо знали по переправе на Одеру. Он был свой, из батальона, и ему обрадовались, как родному: каждому не терпелось узнать, что там, на фронте, в Берлине, и что с батальоном.

— Ну, как там, Капырин?

— Батальон-то где!

«Капырин не спеша, мягким вятским говорком рассказывал, как сам видел и что от людей слышал:

— Утром в Фюрстенвальде эскадрилья, не пробитая по шоссе! Идут машины в три ряда: пушки, самоходки, танки... Да еще народ валом валет: французы, чехи, поляки... Кажется, со своим флагом по домам идут. Освободились.

— Ну, а наши-то где? — спросил командир отделения, старший сержант Суховерхов, с орденком солдатской славы на груди.

— Говорят, вторая рота не разминировали, а первая с танковым корпусом ушла за Берлин. Штаб батальона вчера еще в Петерскагене стоял.

— А Гитлера поймали?

— Пока что нет, а поймали! Гейббельс, тот догадался поехать себе и все семейство.

— Ишь ты! Знает кошку, чье мясо съела.

Еще о многом хотели саперы распрощать Капырина, но подошел шофер головной машины, высокий парень в комском комбинезоне, не смуглый, как цапга, и, вворачивая белками глаза, закричал на Капырина:

— Ты что тут лсы тончишь!

— Да вот земляки тут, товарищ сержант...

— Земляки! — шофер оглядел саперов.

— Наших время! Иди выведи враз машину!

Капырин, не попрощавшись, побежал к машине, а саперы, толкая меж собой, пошли к палаткам.

— Ну вот и свободен солдат! Пуст котелок, гудай и просят повода наружные руки и ноги. Бывало, поест, выкурит цигарку, привалится к пенку и уже спит, а нынче не спалось; по всему было видно: вот-вот конец войне.

Больше всего народа собралось возле палатки командира отделения Суховерхова.

Старший сержант, полуживая на раскостыленном плац-палатке, покуривая, не спеша рассказывал:

— Утром пошли мы дубы искать, как лейтенант приказал, а Кротов да Лопасин. Ну, взяли, известное дело, с собой автоматы; не дома, чужая земля! Пошли по просеке к озеру. Лопасин говорит: нужно влево взять, будто он там дубы видал, а я примечаю, что вправо, потому что влево низина, какой же дуб на низине растет! А Лопасин на своем стоит: вправо, мол, и все тут. Ну, спорить я с ним не стал. Идите, говорю, влево, а я вправо пойду. Ежели что там, — очередь из автомата.

Сержант замолчал, потянул трубку, но трубка погугла. Кто-то зажег спичку, и пламя выхватило из марша край палатки, навесил, под которым стояла самодельная пирамида с винтовками, лопатые кусты орешника. Высоко над лесом сталась колеблющаяся гул. Все пригитли, прислушавшись.

— Наши пошли...

Гул как бы ветром сносил на запад. В небо блеснула звезда, за ней другая. Побрякивая вередями, прошли за водой к озеру дневальные.

— Ну, что же дальше-то, товарищ старший сержант?

— Дальше-то! Они в одну сторону пошли, я — в другую. Миновал просеку, спустился к озеру, обошел его и стал сосиском подниматься в гору. Вдору слышу, будто ветка хрустнула. Постоял — звякнуло что-то, потом голоса раздалась. Э, думаю, неспроста тут! Синул автомат и пошел, хоронясь, за кусты. Не прошел и десятки шагов — опять звякнуло, на этот раз совсем близко. Остановился, раздалину кусты. Вижу: маленькая полянка, вяз большой, а под вязом палатка. У палатки кустер дымит, а у кустра спинкой ко мне человек. Вскинул я тут автомат, хотел толкнуть: «Халты!», — а тут суточ и обломился под ногой. Человек отступил на меня: пожилый такой, в шляпе, да враз за кусты — поинная, как вазя. Обождал я немного и к палатке вышел. Палатка вся в заплатах, меж деревьями на веревке детское белье висит, платице, чулочко. Музыка валется. Над кустом столб. Радое с палаткой тележка ручная на дутках. «Кто тут?» — спрашиваю. Никто не отве-

Владимир ВОРОБЕВ

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Этот день в сорок пятом я встречал не солдатом, А курносим мальчишкой в уральском селе. Помню, гром грохотал орудиным раскатом, Дождь плылся, встепня лужи на майской земле.

Пусть все небо дрожало и хмурилось грозою, Только разве мальчишек загонись домок! Это к нам с непокрытой седой головой Подбежал дед Фомич, старый сторож колхозный.

Сразу дрогнуло сердце. Глядя им на глаза. Не бежал бы напрасно он в дождик и грязь. «Дорогие... Вычута... Победа... Победа... Из-рая сюда позвонили сейчас... Миг... И ринулись мы быстроногою стаяй Доложданную весть по-селу разносить. Все запело ворган. Стало солнце светить, Тучи хмурые жарким накалом расплываи.

Наши матери, в счастье заплакавшись в слезы, Дотемна за село на дороге глядели, Как котелось лисорые припасть К дорогой, ослепленной солдатской шинелью...

Сколько лет с того дня пролетело уже! Стали белыми мамами милые пращухи... Ну, а сын на далекой-далекой Камчатке Службу мира несет на пограничном рубеже.

чет. Заглянул в палатку, вижу: люди там, а толком рассмотреть не могу. «Выходи!» — говорю.

Суховерхов помолчал. По деревьям, как вздох, прошел ветер. Кони заблудили у конюшни, — Потом все смолкло.

«Выходи!» — повторил я еще раз приказание, — продолжал сержант. — Слышу, завопили. Потом вышла старуха, а за ней девочка лет восьми. Старуха дрожит от страха. Я на них и на себя показываю и говорю: «Гуля! — мол, ничего я вам плохого не сделал, а старуха новость что подумала, девочку хватя за руку — и в лес. Постоял я, заглянул в котелок: в воде кекино-то листочки плавают. Пожалел, что не азал ничего с собой, пошарил в кармане — кусок сахара нашел. Обождал его, положил на вуду, и так это мне неприятно стало! Стою и думаю про себя: чего же бежит? Все равно ведь нигде не убежит. Уж раз в своем доме ботсы, куда ж бежать еще!

— Эти, видимо, русские не выдвинули, — сказал Никита Кротов. — Их с Одеру много лесами идет за нашей армией. За дорогой вера целый табур стоял. Мы ходили туда. Те, видно, русские знают: табак и хлеба просят.

— Вкуснее есть, — угрюмо откликнулся кто-то. — Ты ему табачку, а он в тебя из автомата.

Говоривший встал и отошел от палатки. Слышно было, как хрустел залежник под тяжелыми шагами.

В стороне, в роще, где уже третий день, не развешиваясь, стоял тяжелый артезианский, запылила губная гарсону. Бухла выстрел и гулко пахались по лесу. Звезда сорвалась с неба и пророчила белую дорогу.

Никита Кротов вздохнул и сказал: не то что у нас...

— Звезды везде одинаковы, — усмехнулся бакистый голос. — Выдумал тоже — не одинаковы!

Но Кротов стоял на своем!

— У нас на Оке звезда в воде светит, а тут не светит. Вера пошел берегом озера. Чудно! На небо звезд полно, а в воде ни одной. Будто небо само по себе, а звезда сама по себе.

За лесом возник белесый конусообразный луч, постоял на месте и пошел по кругу, будто кто-то выкашивал небо. После каждого взмаха темнота пластинами сползала к земле. Звезды пропали. С озера потянуло сыростью, был уже поздний час, но никто не ложился спать. То тут, то там вспыхивали цигарки, раздавались приглушенные голоса.

И вдруг где-то в стороне от дороги жестко пробила автоматная очередь, за ней другая, и по всему лесу поднялась яростная, беспорядочная стрельба.

Суховерхов первым вскочил на ноги.

— А ну, выстро становись! Все тут!

— Так точно, товарищ старший сержант!

— Стреляют все больше вдоль дороги...

— У палатки команда взвода Суховерхов застал Семушкина и Творженченко, командиров двух других отделений. Вместе с лейтенантом они стояли под вязом и слушали. Лейтенант и сам толком не знал, в чем дело.

— Стреляют все больше вдоль дороги... Вона куда полыхает, товарищ лейтенант! — сказал тревожно Творженченко. — Что бы это могло быть?

— Я связного к артиллеристам послал, — ответил лейтенант, прислушавшись к стрельбе.

— Сейчас узнаем, а пока что свидите людей в одно место, и быстро, без шуму!

Взвод выстраивался под вязом. Слышны были отрывистые глухие голоса:

— Прими вправо, тебе говорят!

— Позвольте, товарищ сержант, сбегать. Я там портняки забыл.

— Я тебе сбегать! А ну, кто там курит? — Малютин, девальвных снимки! Да ведро не забудьте взять...

Лес наливался тревогой. Стрельба то стихала, то усиливалась, заходила со справа, то слева, и всем припомнились недавний случай со второй ротой: под Кюстрином в лесу рота два дня отбивала нападение большой немецкой части, выходящей из окружения.

Еще гринуло несколько очередей, залопали выстрелы, потом совсем близко раздались крики «ура». Справа, в роше, вспыхнули огни, цепочка их растягивалась по лесу, и колеблющиеся тени замелькали между деревьями.

Кто-то топочка бежал по просеке.

— Стой! Кто идет? — строго спросил невнимательный автоматчик.

— Своей, Нестеренкой К лейтенанту.

Но лейтенант вместе с командиром отделения уже шел навстречу. Узкий лучик карманного фонаря бежал по тропке, осветил кусты, легкую лошаду у конюшани и остановился на свечном.

— Нестеренкой!

— Победа, товарищ лейтенант! — выдохнул связной. — По радио передали... Это у артиллеристов костры жгут...

Через несколько минут большой костер похлынул на просеке, у саперов. И хоть сейчас можно было разгнать много костров, почему-то все, как только смолкли последние выстрелы салюта и была подана команда: «Разойдитесь!» — принялись таскать сучья в один костер. Огней в лесу становилось все больше и больше.

Саперы разостлали на земле плащ-палатки, сели чинно всем взводом; вздовые приподняли крутобокий боценок; и Захар Твороженков, ходивший за «котельного», сбив пилотку на затылок, стал разламывать порции в сдвинутые солдатские кружки.

— Товарищу лейтенанту передай!

— Дядя Федор! Держи свое!

— Да это же не мое! Моя шербата.

— Все равно, одна мера, Деркич!

Стоя выгляди за победу и сразу заговорили все, словно дав не говорили.

И все же чего-то еще не хватало для полноты радости. Тогда Суковерова, прохлавившись и тронул ус, сказал:

— А ну, хлопцы, зачинайте песню!

Молодой воронежец Чурников, чубатый, как конек, и тонкий, как лоза, привстал на одно колено, тряхнул головой и высоко начал песню, что певали саперы в сырых блиндах, в мокрых и толпих лесах, по фронтовым дорогам от Вязьмы и Курска, от Днепра и Одера.

Э-эх ты сте-е-еь широко-оооа!

Сте-е-еь разо-ооооооо...

Жарко, вихрь и шума, горел костер, и росла, ширилась песня, заворачивая людей. Всем казалось, что так славно и дружно еще никогда не пелось!

Но вот и конец песни. Волной прихлынула тишина, и тогда все увидели, что у костра стоит чужой человек.

— До вас шел, товарищ лейтенант, — сказал часовой-автоматчик. — Лопочет что-то по-своему. Не разберешь.

Пришедший был немолод. Небрито лицо, изодранный плащ, собранный у подбородка, под полями шляпы ищущие, покорные глаза. — Гитлер капут! — сказал пришедший, обведя всех взглядом и виновато улыбаясь.

— Опоздал маленько с этой новостью, — засмеялся кто-то.

— Artzbeiler! — сказал пришедший, протягивая широкие руки к костру и поворачивая их ладонями. — Bittet Für mein Kind... Etwas? — Дайте ему что-нибудь, — сказал лейтенант, не отрывая глаз от огня.

Суковерова отрезал ломтик хлеба, взял две банки консервов и, стараясь не смотреть в лицо пришедшему, сказал:

— На, возьми и иди...

— Danke schön! — тихо сказал немец.

1 Рабочий!

2 Попытайся. Для моего ребенка. Чего-нибудь...

3 Спасибо большое.

Рисунок А. Лурья.

Он постоял немного, словно хотел еще

что-то сказать, потом пошел.

— Беженцы — промолвил Лопачин, подгрэбая нагоревшие угли. — Тут их полно в лесу! С детшками.

Костер разгорался все сильнее и сильнее, и тлеющий свет его омывал лица. Одни были молодые, другие старше, но на всех лежало выражение тихой радости и мужественной сосредоточенности.

— А ведь я его признал! — сказал вдруг

Суковерова.
— Кто? Это?

— Да вот того, что приходил. Это он вчера

от меня в лесу стрелочка дал.

В небе гудели самолеты. Красные и зеленые сигнальные огни низко текли над лесом.

— Сверзю бы теперь посмотреть, — сказал

Суковерова, поворачивая полыхающую одним боком лесину. — Поди, все земля в огнях...

И все как бы сверзю увидели землю в ярких огнях, и кто-то подбросил еще хворосту в костер, и сухая хворост подернулась сизым дымом, и пламя, строя искрами, завихрилось

и, радостно гудя, взметнулось высоко в темное небо.

Антон ПРИШЕЛЕЦ

СЕМИЛЕТНИЙ ШАГ

Под весенний цвет
Комсомольских лет
Становись, дружка,—
Лучше цвета
нет!
Запевай, друзья,
Выходи в поход!
Шире наших лет
На земле
Широ!
Все цветы для нас
Подняла весна,
Все дороги весна,
Все дороги нам
Отдала
Страна.

И куда ни глянь:
На полях, в садах,—
Как волна в морях,
Льется гул
Труда!
Это наш народ
Всей большой семьей,
Всей душой поет
Гимн
Стране родной.
Во больших ветрах
Вьется алый шаг,—
Пусть во всех краях
Будет слышен наш
Семилетний шаг!

Василий ШМЕЛЬКОВ

НАШ МАЙ

Дорогами трудными
Вперед шагай
И медными трубами
Греми,

наш май!

Трудом
и парадными
Вечай весну.
Нам есть

чем порадовать

Свою страну.

Зерном,

электричеством

Народ богат.

Мы —

в коммунистическом

Строю бригад.

Нам партии велено

Пути торить,

По завету Ленина

Работать,

жить.

Полвека не пройдем,

А песнь звенит,

Что солнце над Родиной

Плывет в зенит.

Мы счастье планируем,

И каждый час

Оно агитирует

Весь мир за нас.

Дорогами трудными

Вперед шагай

И медными трубами

Греми,

наш май!

Владимир НИКОЛАЕВ

НА МЕБЕЛЬНОЙ ФАБРИКЕ В ХАЙ-ПОЙНТЕ

Из белого дерева
Белую мебель
Делают вместе
Негр и белый,
Вместе сгибают
Морские спины...
Белое дерево
Режут машины,
Белая пыль
Покрывает лица,
Пот,
Одинаково серый,
Струится.
Руки мелькают,
Белые, черные,
Умные,
Ловкие руки,
Проворные.
Вот и гудок.
Ожилиются лица,
Спины разогнуты,
Можно умыться.
И закурить,
Вздыхнув облегченно,
Белый и черный.

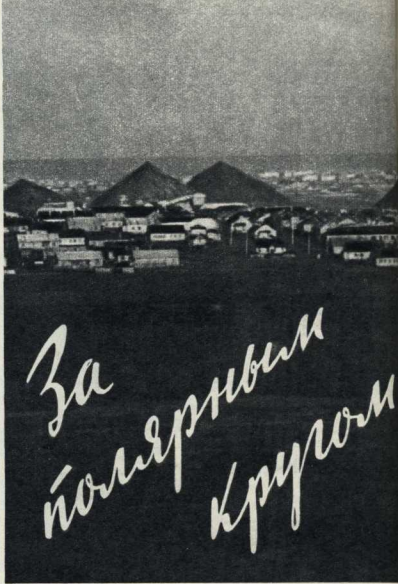
Отдых и душ
Заработав по праву,
Идут:
Негр—налево,
Белый—направо.

Кто-то заболит
Надпись сделал:
«Только для черных»,
«Только для белых»,
Разные двери
В душе фабричном.
Разные жизни...
Даже в приличном
Царстве заоблачном
С богом и верой;
Церкви— для белых,
Церкви — для негров.
Надпись только нет:
«С белыми

в рай не лезте!»
Даже на кладбище
Всясь,
Только на фабрике
Вместе.

г. Москва.

Фото А. Скуряхина

Кистер, словно большая птица, взмахнув крыльями, забился, а потом, устав спорить с ветром, осторожно лег на землю. Охотник, сидевший возле костра, покачал головой: «Истарник и великие щепки кончились, значит, скоро погаснет огонь, а где в тундре найдешь укрытие от ветра?»

Но кистер не потух. Огонь шел прямо из земли, из черной, мясистой земли. Охотник, подумав, набил в подсумок этой земли и отнес ее за много сотен километров, в город. Он отдал ее тем, кто умеет разгадывать тайны природы.

И люди назвали охотнику Попову: — Спасибо тебе. Ты нашел уголь.

— Да,— ответил охотник,— я нашел уголь. Его много там. Вся земля там — уголь.

— Двадцать пять лет назад в восточную тундру пришли люди. Вгрызались отбойными молотками в сыпучую породу, они начали борьбу за колорный уголь. Борьба была тяжелой: люди противостояли суровым природо — шестидесятиградусным морозам, свирепым ураганам, полярным ночам, засухам. Но люди победили тундру, они взяли у промерзшей земли ее богатство — уголь и построили город. За несколько лет в Воруку выросли сотни малых навалов, появились отличные профинансированные санаториия Черноморского побережья, замечательные клубы, пансионаты, плавательные бассейны, телевизионный центр...

И днем и ночью с далекого Севера в Ленинград, Архангельск и Вологду злились в восторженными углями.

Широна перспективны открывает перед угольщиками Заполярья новый величественный план созидательных работ, на-

«Понтеры нормы, как всегда», — говорит молодой шахтер Борис Ардыбка, только что закончивший смену.

меченный XXI съездом партии. За предстоящие семилетие в народное хозяйство Воруку будет вложено несколько миллиардов рублей. Это новые шахты и предприятия, мощная техника в помощь людям, жилкица и учебные заведения, новые и новые бага для трудящихся.

Героями Воруку дали твердое слово: сохранить сроки выполнения семилетней программы по погода. Коллеktivы шах-

ты № 27 обязался завершить годовое задание к 25 декабря, добыть 15 тысяч тонн угля сверх задания, сэкономить полмиллиона рублей государственных средств. Примеру этой шахты последовали другие. На шахте № 17, где в основном трудятся молодежь, решили дать награду 20 тысяч тонн сверхпланового угля.

В профилактории шахты горняки получают сытный, вкусный обед.

На четвертом участке шахты «Камиталыая» трудятся дружный коллектив молодых забойщиков, которых руководит опытный горняк Григорий Воронун. Здесь живо поджигается все новое, передовое, что рождается во всесоюзном соревновании. Не случайно именно на четвертом участке одна из лучших бригад — бригада Дмитрия Старшинова — решила работать и жить по-коммунистически. Все лавы участка перешли на циклическую организа-

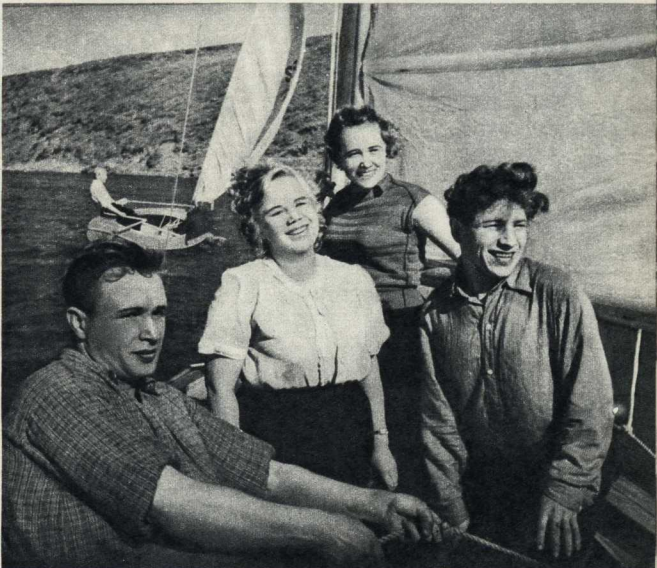
Хороший урожай огурцов вырастила работница тепличного хозяйства города Александрия Сибирица — несоциалитная участница ВСКВ.

цию труда, что позволило сократить число вспомогательных рабочих и намного увеличить добычу черного золота. Участок Григорий Воронун взял обязательство: давать каждую смену 110 процентов выработки, выполнить семилетку за 6 лет 4 месяца, снизить себестоимость топлива, отгумовать только высококачественный уголь.

Ворунтинские шахтеры начали борьбу за семилетку во всех забоях и лавках, начали с размахом, широко, напористо.

Юл. СЕМЕНОВ

В безмятежной заповедной тишине вырос большой город с широкими магистральными улицами.

Яхтсменам в Запольере танго не раздолье, как и на Черном море.

Элла НИКОЛЬСКАЯ

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Рассказ

Он вручает номер молодежной газеты и какое-то писемко, Мария нискоря пробегает заметку, отчернутую карандашом.

— Разберись там, на месте. Это из Печенцова.

Женщина за столом плачет, а у Павла на лице какое-то непроизвольное, неистовое выжатое тажевое раздумье, глаза, всегда немного насмешливые, сумрачные. Мария хочет спросить его, что это за женщина и что у нее случилось, но не успевает.

— Ну, поезжай, счастливо,— говорит Павел, протягивая руку.

В приемной к Марии подошла Машенька, в руках у нее какой-то узелок.

— Мария Сергеевна, и я еду в Печенцово, меня Павел отпустил.

Мария улыбается. Она вспоминает, как пять лет назад пришла в обком комсомолом и впервые увидела Машеньку. Мария была здесь раньше, еще когда училась в институте, но в тот день она пришла сюда оформляться на работу — инструктором в школьный отдел. Незнакомая девушка, курявая, с бантиками, спросила ее испуганно:

— Вы тоже машинистка? — и облегло ее вздохнула, когда Мария ответила «нет».

И с тех пор она все та же, и те же курдючки, только бантиков не носит. Работает по-прежнему машинисткой, и все хвалит ее за добросовестность, аккуратность и за спокойный, ровный характер.

Три часа дороги тянутся долго. Маленький, тряский автобус подкакивает на ухабах. Мария дремлет, откинувшись на спинку сиденья, а у Машеньки на коленях очутился чай-то ребенок. От духоты и тряски ребенок то и дело начинает плакать, и тогда Машенька говорит тонким голосом:

— А вон коровка. А вон домик. Ой, какой домище! А вон собачка!

Наконец, автобус останавливается на широкой пустынной площади, кое-где замощенной булыжником и окруженной кольцом одностоящих и двухэтажных зданий. Девушки выходят из машины и направляются к небольшому домику, в котором с одной стороны помещается районный банк, а с другой — райком комсомола.

— Вон там, видите, где магазин, и по этой улице направо, у самой речки — Машенька на ходу объясняет, как ее найти, если в го-

стинце не окажется мест. — Спросите Паленкова.

У двери райкома она процедется, сказав напоследок:

— Приходите обязательно. Мария задерживается возле двери, чтобы посмотреть, как Машенька, размахивая узелком, снова перебегает площадь.

В первой комнате райкома пусто. На одном из столов стоит незакрытая пишущая машинка. На окнах нет занавесок, и дневной свет, падающий сквозь серые от пыли стекла, кажется каким-то пугливым, «блеющего» каля — думает Мария, глядя на разбросанные по столам карандаши, ручки, бумагу.

Во второй комнате вдоль стен длинной вереницей стоят стулья; плечистый парень в майке-безрукавке, нависавший на стол, надсадно кричит в телефонную трубку:

— Дайте Лубки, Лубки дайте! Что? Лубки, я говорю!

Увидев Марию, он вскакивает, кладет трубку на рычаг, так и не дожидшись своих Лубков. Это Бойчук, секретарь Печенцовского райкома комсомола.

— Что это так неуютно у вас? — вместо приветствия говорит Мария.

Бойчук, крепко пожмая ей руку, улыбается и оправдывается:

— Да поминемте, а вторую неделю один. Все ушли на фронт, то бышь по колхозам разъезжались.

— Ну вот что — Мария садится за стол. — Не будем терять время.

Часы да еще сидят над списками, разбрасываясь, где хороше, где плохо и где вовсе не работают молодые кукурузоводческие звенья. Бойчук, не привыкший много говорить, устал. Его широко обветренное лицо побледило, а начал заниматься. Случается Бойчука и то, что приходится называть секретаря обкома по фамилии — товарищ Абрамова. Ему эта официальность кажется неподходящей для комсомольских работников, а имя ее он забыл и стесняется спросить. Каждый раз, произнося «товарищ Абрамова», Бойчук надеется, что она поправит его, но Мария невозмутимо продолжает что-то записывать в блокнот и даже сама, кажется, назвала его товарищ Бойчук.

Потом она сидит, предвзвешенно выясняя, как добраться до колхоза «Страна Советов». Там лучший в районе урочай кукурузы, и Мария хочет побеседовать со звеньевым. Пусть поделится опытом на завтрашнем совещании. Бойчук на прощание так же крепко жмет ей руку, но улыбка у него немного растерянная.

Мария направляется в гостиницу.

— Нету женских мест, — флегматично сообщает полная женщина в белом халате, — мужских три свободны, а женских нету.

Мария не спорит. Она идет по центральной улице городка обратно, снова и так же пощадя. От магазина вина, к речке... Полозовы, Полозовы — как их там!

Навстречу шагает молодой человек. Рубашка и курюная куртка, узкие брюки. Чем-то он отличается от здешних парней — не то башмак и не походкой, — это привлекает внимание Марии. Они встречаются взглядами. «Наверняка приезжий», — думает она, прощая мимо.

— Простите, пожалуйста.

Мария оборачивается, смотрит на парня, на его курчовное от загара лицо с высокими, остро очерченными скулами и прямой линией рта. На левой скуле у незнакомки своего розовый шрам.

— Вы ведь из обкома комсомола? — спрашивает, улыбаясь, парня, — Я видел вас на конференции. Моя фамилия Шавокс. Вам про меня Павел ничего не говорил?

— Шавокс? — Мария вспоминает. — Заметка в областной молодежной газете, обведенная красным карандашом... Комсомолец устроил в Доме культуры драку. Фамилия комсомольца — да, она это хорошо помнит — Шавокс. Так вот это кто.

— Ты вы — подрались в Доме культуры? — Я подрался, — признается парень. Улыбка у него хорошая, дружелюбная, но Мария она не нравится. Мария снова бросает взгляд на розовый шрам. Все ясно!

— Ты еще не уехала? — спрашивает Павел негромко. — Вот, истати, возьми.

До райкома рукой подать. Они входят, и

Мария садится за тот стол, где стоит пишущая машинка.

— Так чего же вы хотите?
— Пусть газета дает опровержение. Неудобно все-таки, я сам в редакции работаю...
А друзья ведь увидят, ушибли? А пьяным напивался! — В голосе Марии звенит меланхолия. — И кстати... продолжает она, припомнив содержание заметки, — вас прислали сюда агрономом в колхоз, почему вы оказались в редакции? Видно, где ослепел? Приносите вот такие стодольные «малышки», молодежи идет от них культуры, знаний, а они призывают модные прически да узкие брюки...

Мария возмущена до глубины души. Подумать только, не успевало приехать — и лютя персональное дело заводи. Шахов уже совершенно отчетливо представляется ей стильной, хулиганом и лодырем, и она не видит того, что понаравилось ей в этом парне в первый момент. Телера, она замечает только то, что отличает его от здешней молодежи, и все это вызывает в ней раздражение.

Шахов стоит, словно окаменев, выражение лица у него как у человека, который идет против сильного ветра. Вадернутой кверху подбородок, сощуренные глаза. И, взглянув на него, Мария останавливается. Ей вдруг показалось, что Шахов сейчас стукнет кулаком по столу, закричит, обругает ее. Но он наклоняется и ней через стол и голос его звучит неожиданно мягко, почти вкрадливо: — Я бы мог вам рассказать, почему я подрался и почему ушел из колхоза и все остальное. Я любому могу это рассказать, понимаете, любому! Мне краснеть не за что. Но с вами я говорить об этом не стану. Что вы на меня кричите? Вам не в комсомоле работать, а волков дрессировать. Вы какая-то оловянная...

Сзади них вдруг открывается дверь. Это Бойчук вошел, услышав голоса.

— Привет, Толька, — обращается он к Шахову. Но тот круг поворачивается и выходит, хлопнув дверью. Бойчук с недоумением смотрит на Абрамову, и под его взглядом она краснеет. Слышал он или нет?... И Мария срыгает свой гнев на Бойчука.

— Распустили вы комсомольцев! Это же форменный хулиган!

— Кто хулиган! Толька! — переспрашивает Бойчук. — Да что вы! Он на прошлой неделе двух пьяных из Дома культуры выгнал. Ну, и один из них в газету написал, а там, не разобравшись, взяли да напечатали. Мы уж в обком сигнал давали об этом, Соколову. Речь Бойчуку гасит гнев Марии. Только сейчас она вспоминает, что вместе с заметкой Павел дал ей какое-то письмо, очевидно, этот самый «сигнал». Неудобно как получилось! И она решает выкинуть все до конца.

— А почему он из колхоза ушел?

— Да он и не уходил вовсе. Его попросили пока в газете поработать: там в отделе сельского хозяйства нет никого. Найдут подходящего человека, и Шахов обратно вернется, в колхоз.

— Вот оно что! — раздумчиво говорит Мария. Надо поправить положение, но как это сделать, она не знает и с деланным спокойствием произносит:

— Ну что же! Я даме рада, что в нем ошибся. Раз он у вас такой хороший...

И тут же отводит глаза. Взгляд Бойчука ясно говорит: «Ты-то рада, а он!»

Неприятное впечатление не покидает ее весь день; и когда она в колхозе «Страна Советов» разговаривает со Звенячкой и когда сидит за ужином вместе с Машенькой и Машенькина бабушка угощает их яблоками из своего сада.

— Сегодня в Доме культуры вечер, — сообщает Машенька. — Концерт и танцы. Пойдемте?

Мария охотно соглашается. Она посмотрит, как поставлена в районе культмассовая работа. Но тут же ей приходит в голову и другая мысль: может, Шахов там будет... Конечно, получился недоразумение, но все обойдется.

И Мария улыбается, слушая веселую болтовню Машеньки.

В Дом культуры они опоздали: концерт давно начался. В зале полно народу, сидят даже на подоконниках. Несколько человек стоят у стены. Какой-то парень соскакивает

с подоконника и помогает Машеньке сесть на освобожденное место. Здесь же сидит Шахов. Заметив Марию, он уступает ей место.

Сидеть на узком высоком подоконнике неудобно, и Марии приходится слегка опереться о плечо Шахова. Он стоит у окна и о чем-то потихоньку разговаривает с Машенькой. Они, оказывается, знакомы. Мария не слышит, о чем у них идет разговор. В зале хлопочут. Парень в белой рубашке, с закатанными выше локтя рукавами, идет к роялю, его белесые брови напряженно сдвинуты. Вот он садится за рояль. Мария не слушает, что он играет.

Увелившись разговором с Машенькой, Шахов сделал пошлага вперед. Мария уже не может опираться о его плечо. И вдруг снова вспоминает разговор с Шаховым в райкоме и только теперь испытывает что-то похожее на страх: неуверенно не удастся заставить его забыть об этом неприятном разговоре? Сейчас она готова даже извиниться перед Шаховым, но только... зачем он все время болтает с этой пустоватой Машенькой?

Прислушавшись, она улавливает несколько слов. Вскинув подбородок, Машенька указывает на сцену и говорит: — Я его знаю. Это Алеша Павлов, мы с ним в одном классе были, а сейчас он учится в Москве, в консерватории. Его мать в детском саду работает мадестрой.

Марии тоже смотрит на сцену. Ей хорошо виден пианист. Он слегка откинул назад голову, его взгляд затуманился. Но тут выражению откровенности странно противоречат руки. Они будто жмут своей особой, напряженной жизнью. Пальцы то скользя по клавишам, словно гладят их, то судорожно сгибаются и бьют с силой, то мелькают так быстро, что их уже невозможно различить, и тогда кажется, что из-под них сыплются серебряные колокольчики. «Какая тишина в зале!» — думает Мария. — А ведь здесь далеко не все еще умеют ценить фортепианную музыку. Наверно, он и в самом деле очень талантливый.

Последние аккорды таят в воздухе. Пианист встает из-за рояля, неловко раскланивается. Зал хлопает долго, с эшартом. «Молодец, Алеша-а!» — кричат с последних рядов.

Рисунок Л. Хайдыова.

Потом начинаются танцы. Все проходит в фойе. Грешит охрипшая радиоло.

Смеется мое

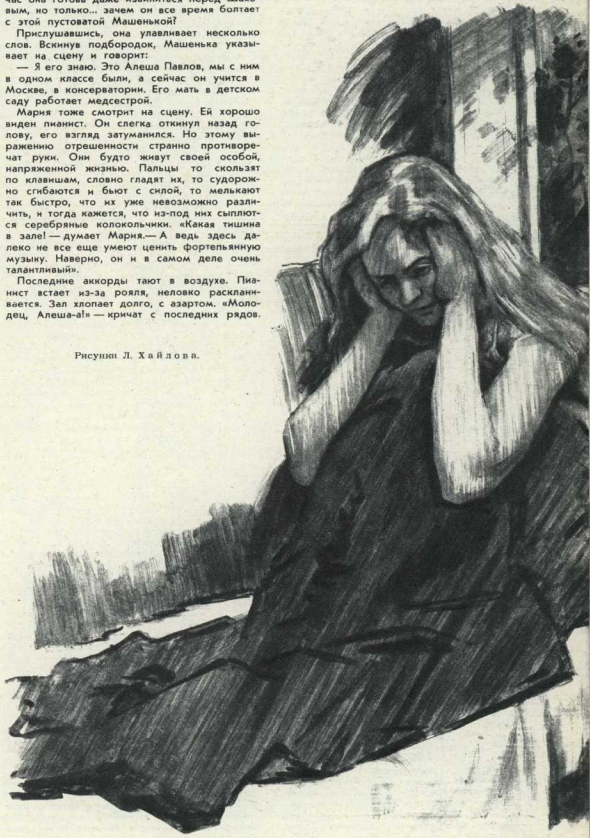
Я нашел в нашей дружбе с тобой...

Шахов приглашает Машеньку. К Марии подходит Алеша Павлов — пианист. Он немного ниже ее, танцует неловко. Мария неловко следит поверх его плеча за Шаховым и Машенькой.

— Я тут все знаю, а вас никогда не видел, — говорит Алеша.

Мария объясняет, что она в командировке. — Комсомольская работа — это очень трудно, — продолжает он. — Тут надо хорошо знать людей. Часто, наверно, приходится разговаривать по душам, да?

Мария вспоминает свой просторный каби-

«ПОКОРЕНИЕ ВОЛГИ»

нет, темные портьеры, пол, усталый ковров. В этот кабинет приходит на разные совещания и заседания много людей. Их шаги одинаково бесшумны, и говорят они обычно одинаково сдержанно, излагая только самую суть дела. Нет, в обстановке кабинета не слышны и разговоры по душам, и подумав об этом, Мария чувствует тревогу. Что-то не ладится у нее...

В переверхах между танцами Машенька и Алеша болтают, как старые друзья, вспоминая значительные моменты. Танец и слышится: «А помини? А помини?» Шахов, не принимая участия в разговоре, с улыбкой смотрит на Машеньку, откровенно любящее ее озвученные, смеющиеся лица. С Марией он не разговаривает, но в ее присутствии, особенно за столом, они как-то выжили, что то был груб с нею, она сухо ответила, что тоже была неправа. И все.

Мария становится грустно. Неужели ему нравится эта секретарша, такая простенькая, такая незамысловатая? Нет, неправда! Именно переживает она свои мысли. Надо быть честной. Машенька славная, добрая, веселая девушка. И хорошенюкая. Но конечно же, хорошенюкая!

Добро так свет, потом снова вспыхивает. Это сигнал — пора по домам. Мария, Машенька, Шахов и Алеша выходят на улицу. Пока они были в Доме культуры, прошел дождь. Воздух влажный и теплый, на земле посподу небольшие лужицы, в них то меркнет то вновь вспыхивает луна. И вот на эти поближевающие зеркала, Мария чувствует, как к сердцу подступает незнакомая тоска. Идти бы сейчас не в узенький переулок, не в старый, пропавший с улиц облокавин дом, а туда, дальше, вниз, где стоит туманная река, и вернуться бы в тумане. Но только не с этим, что шагает рядом и несмело держит ее под руку.

Сзади идут Машенька и Шахов. О чем они там говорят? Смутно. Потом замолчали. Мария оборачивается: они, оказывается, отстают шагов на тридцать.

— Что же вы там? — кричит она и сама пугается своего звонкого голоса.

— Не надо! Алешины пальцы сжимают ее локот.

Мария не отвечает, не смотрит на него. Те двое ускоряют шаги. И вот они все четверо стоят у калитки. Первым уходит Алеша. Прощается с Марией, он заглядывает ей в глаза, но она отворачивается.

«Некоторые артысты стоят зрелого, говорят о погоде, о том, как хорошо играет Алеша».

— Пойдем, Маша, — говорит наконец Мария и видит, как Шахов берет Машеньку за руку, словно пытаясь ее удержать. Но та мягко отнимает руку, и девушки вместе поднимаются по гулко ступенькам на крыльцо. Из темноты доносится негромкий голос: «Спокойной ночи, Машенька». Мария даже не оборачивается. Это от того, что ее тоже зовут Машенькой? Все равно, это относится не к ней. Когда она уехала в деревню. Сердечной, даже всех कुछе и строгой? Когда это случилось? Она даже не заметила.

Стоя перед большим, во весь простенок, зеркалом, девушки причисляются на ночь. Машенька ловко наручивает на бугры свои короткие куртки. Мария выгибает шпильки, распустившая волосы, они блестящими каскадом падают за плечи, почти до колен. Машенька всплескивает руками:

«Ах, какая красота!»
Мария не может ответить: у нее полон рот шпильки. Она пристально, точно впервые, смотрит на себя в зеркало. Да, конечно, она красива, но как не хватает ее привязанной и холодным чертам того выражения доброты и милового лукавства, которым дышит простоватая, в сущности, очень обычное лицо Машеньки, ее карие глаза!

Девушки продолжают причисляться, украдкой разглядывая друг друга в зеркале. Потом ложатся. Машенька — на раскладушку, Мария — на ветви мягкой диванчик. Она долго лежит на спине, закинув руки за голову, и прислушивается к дышанию Машеньки, которое становится все ровнее и ровнее, все неслышнее, — спит! Сама Мария не может сомкнуть глаз. Туман заглядывает в одно, то в другое окно, мешая спать. Наконец она остановилась за деревом, растущим под ок-

ном, и на потопке бесшумно заляпала тени, все вещи будто задвинулись, и эта простая комната внезапно показалась Марии какой-то странной, фантастической и красивой.

Она лежит и думает не о Машеньке, которая спит в этой же комнате, а не о Шахове, и не об Алеше, а о чем-то таком, что включает в себя все сегодняшнее день, и вчерашний, и все ее предыдущую жизнь.

Вот ей уже двадцать пять лет, она многого добилась. Ее ценят как талантливого, опытного работника. Почему же она так одинока?

Раньше этого не было. Раньше она имела подругу, и самая лучшая, самая близкая из них — Алка, веселая, острая на язык наשמивца Алка. Когда они виделись в последний раз? Да, эдак, в ее семинаре пионеркоманды в обшине комсомола!

— Здравствуй, Аллочка, — сказала тогда Мария, по старой привычке обняв подругу за плечи.

Алка обернулась, слегка зажмурилась, как всегда, когда собиралась сказать что-нибудь колкое, но почему-то произнесла только подчеркнуто вежливо:

— Здравствуй, Мария Сергеевна.

Мария вскоре забыла об этом эпизоде. Но теперь в старости вспоминает.

В последнее время Марии часто казалось, что бывшие друзья завидуют ей, поэтому стали так холодно. Но, может быть, это и не заvidia, а просто они стараются оградить себя от синхронного обращения, от покровительственных мотков в ее адрес.

Сейчас Мария не дает себе пощады. «Почему я решила, что я лучше других? — мучительно размышляет она. — Хоршо собой! Но ведь Алка гораздо красивее, всегда была красивее. И даже Машенька со своими простенькими личико, оказалась сегодня более привлекательной. Что я умею? Выступать перед людьми?»

Да, это она умеет. Когда Мария выходит на трибуну, зал, даже самый шумный, смолкает при первых звуках ее сильного низкого голоса. Но ведь для настоящего комсомольского работника этого мало.

«Что еще?»

«Комсомольская работа трудная, — сказал сегодня Алеша. — Надо хорошо знать людей». Знает ли она людей? Мария вспоминает утренний разговор с Шаховым, горячая красная слеза упала ей щеку. Тогда директор-тара обкома комсомола толкал промах — позор. Что скажет Алеша, когда узнает? Какой он простой, этот Алеша, даже застенчивый! И его она сегодня тоже обидела.

Мария не может больше лежать, она садится на своем диване, лихорадочно сжимает руками зиски. Как же это получилось, что даже подруги стали избегать ее, не хотят раскрывать перед нею душу?

Ей вспоминается приемная в обшине комсомола. Два вечера: одно — в ее кабинет, другая — Соколову. Возле его двери живет народ, а его кабинета всегда шумно и людно. Какие-то ребята и девушки с заводов, из колхозов подошли сидят у него, беседуют, спорят, называют его «Павел» и даже «Иван». А та половина пожилая женщины, которая сидела там сегодня утром? Машенька сказала, что сын этой женщины попал в дружную компанию, начал работать. И со своим горем она пришла к Павлу — к Павлу, а не к ней, Марии. К нему все не так: и горе, и радость, и жалобу и бивает, и предостерегает, и предупреждает личный трамплин, — к нему, а не к ней. У нее в кабинете всегда тихо, стула стоят ровными рядами, здесь проходят совещания, инструкции, и проходит они всегда спокойно, без громких споров, без бурных жестов.

«Ослыжания! — вдруг вспоминает Мария слово, сказанное Шаховым, и снова зарывается головой в подушку. «Ослыжания! — как это зло!»

И когда Марии кажется, что спать невозможно, что жизнь окончательно не удалась, что надо сейчас немедленно встать, что сделать, что-то изменить, — она вдруг, неожиданно для себя засыпает. Ей снится узкое смуглое лицо Шахова, и даже во сне ее не оставляет смутное сожаление, будто она прошептала что-то нужное, дорогое, худого могло случиться что-то хорошее и не случилось.

На Сталинградградострое сейчас хорошая новка монтируются новые и новые агрегаты. Весна заставила потонуться со шлюзами и сходящим шлюзами вода, началось наводнение. И надо давать судам дорогу? В эту пору гидроостроителю приходится с особым возмущением.

Хочется подчеркнуть одну особенность, характерную для молодежи, работающих на Гидрострое. Эта особенность — мажорное творчество. Она проявляется в разных направлениях. Многие пары и девушки пишут стихи, рассказы. Это, несомненно, проявление большого духовного богатства молодежи, познание жизни, понимание ее.

В Волжском, познакомившись с механиком Кузнецким, а потом и познакомившись с ним. Высокий, подтянутый молодой человек с открытым лицом и замечательной улыбкой, он влюблен в поэзию, которая помогает ему работать, жить.

И я буду разбирать недостатки и достоинства его произведений. Спасибо только одно: это — начало!

Михаил ЛУКИН

ПЕРЕМЫЧКА

Там, где гадельцы в воду тучи, —
В речной наносный влажный грунт.
Сопь, ирхата, копер плавающий
Бывал стальной упрямый шпунт.

Вальд металлнической ограды
От берегов наноскоп
По трупам в Волгу земснаряды
Градюю градуйки песок.

Грядя врезалась в волны клином,
С крутою спорна волной
И на раздолье лебедном
Всплыла широко стеной.

По ней осенней ночью волголой
Во весь опор в машине жмешь,
А радом заспанною Волгу
Порой прохатывает дромь.

ПЕРЕКРЫТИЕ

Мелньюку отсыпки первый гребень
Над гребнем взмыленной волны.
Вода уносит, словно щепу,
Куда-то в бездну утвень.

Крутой борба была и долгой
С тругой волной в саженьный рост.
Тигрцея раненою Волга
Еролася на плавающий мост.

Вся в искрометной белой пене,
Смать, смать хотела седьма...
Не встали люди на колени,
А покорила река.

И излучины быстротечной
Валки небу белую, как снег...
Непронцаемый и вечный
Людских трудов девятый вал.

У ВОДОСЛИВНОЙ ПЛОТИНЫ

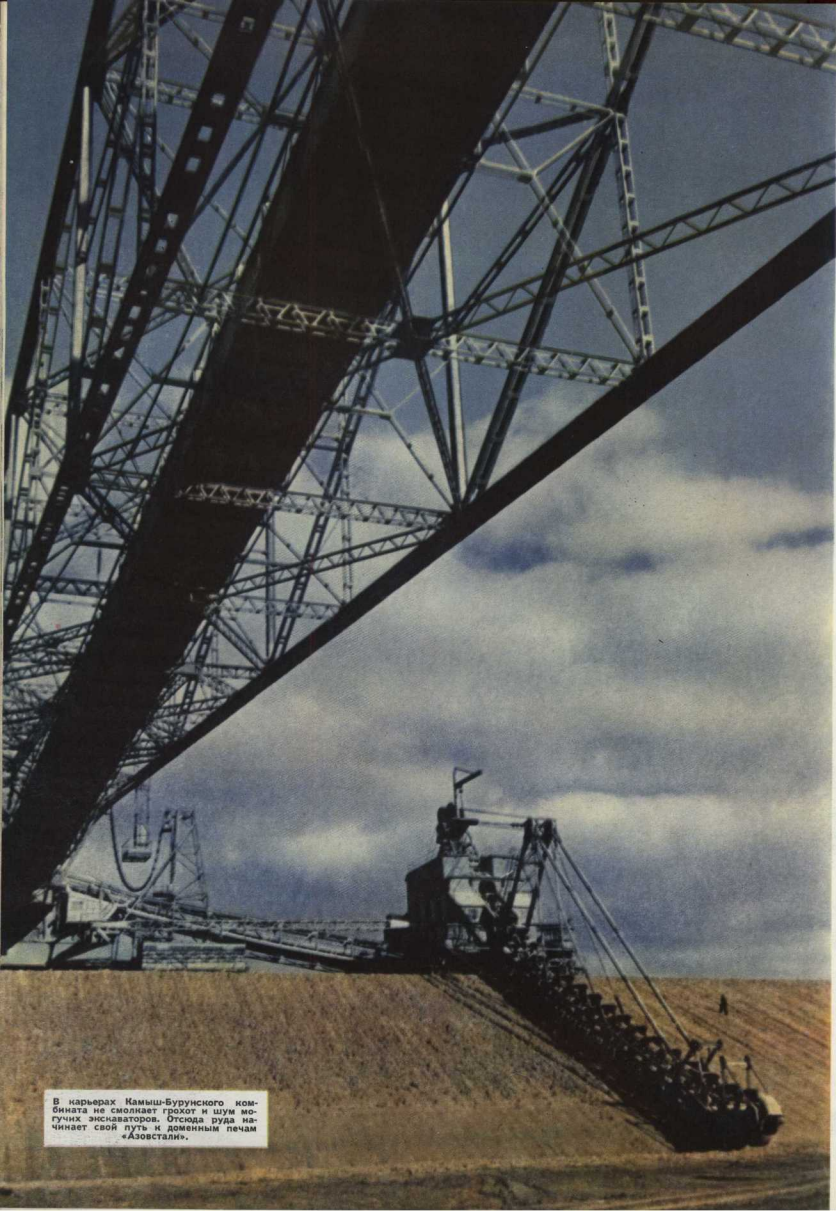
За верхним бьефом сине морф.
На море либуя, ветер...
А здесь волна, с волною споря,
В желмучию дробится пьль.

И хонит с водем озверевый
Валк небу белую, как снег...
И хоть это чудом сам он сделал...
Глядит, не верит человек.

Г. Волжский

Пришел май — праздник весны.
Фото А. Гаранина.

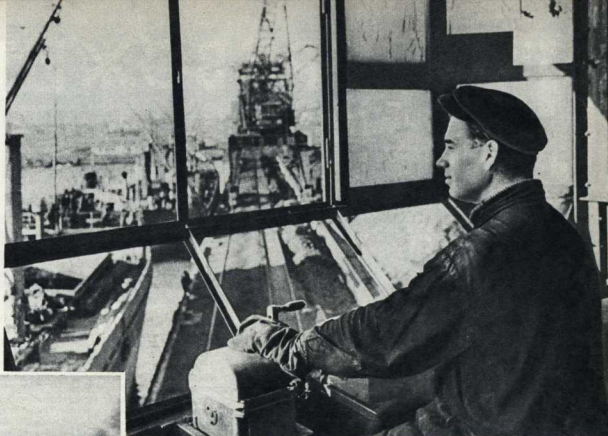

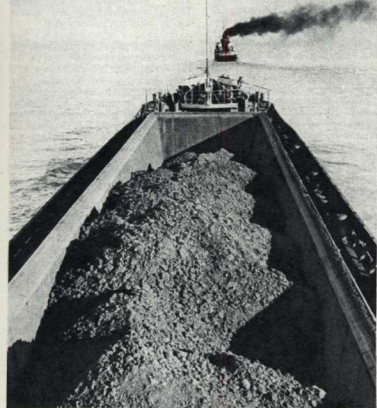
В карьерах Камыш-Бурунского комбината не слышатся грохот и шум мощных экскаваторов. Отсюда руда начинает свой путь к доменным печам «Азовстали».

СОКРОВИЩЕ КАМЫШ - БУРУНА

Фото М. Грачева.

В Камыш-Бурунском порту. Трудовую вахту несет лучший крановщик города Михаил Юрстый.

В огромных баржах горячий агломерат отправляют в город Жданов, на завод «Азовсталь».

На рудниках и в карьерах Камыш-Бурунского комбината ни днем, ни ночью не затихает гул механизмов. Здесь добывают руду — свыше ста тысяч тонн каждый день! Отсюда начинается ее путь и бурьером доменных печей.

Путь этот сложен, он включает в себя многие звенья большого технологического процесса, который в металлургии называют подготовкой руды и плавке. Ведь мало добыть руду: из нее надо удалить пустую породу, нечуждые примеси... Тяжелые темно-бурые глыбы мезелина размалывают, дробят, освобождают от «областак»; или горючат горючки, обогащают, превращают руду в концентрат. Измельченный концентрат перемешивают с коксом, «поджигают», сплавляют в сплошную массу, которая дробится затем на небольшие куски. Так получают агломерат... Горячим потоком идет он к доменным печам заводов страны.

В минувшем году Камыш-Бурунский железорудный комбинат дал стране 4 миллиона тонн руды. В 1965 году горняки Камыш-Буруна добудут более 10 миллионов тонн.

Борьба за эти миллионы уже началась. Ее ведут в рудниках и карьерах, в цехах обогащения и агломерационных фабрик, на всех участках, во всех отделениях комбината. Тепло борьбы нарастает с каждым месяцем. Металлурги взяли обязательство: в первом году семилетия дать сверх задания 250 тысяч тонн руды, 135 тысяч тонн агломерата, сэкономить не менее 10 миллионов рублей. В этой борьбе участвуют сотни молодых рабочих, десятки молодежных бригад. Лучшие из них решили работать и жить по-коммунистически. Есть в контрольных цифрах семилетнего плана строки: дать в 1965 году 230—245 миллионов тонн сырой руды. Камыш-Бурунские миллионы вондут в эту руду весомым вкладом.

Руда, добытая в карьерах и рудниках комбината, плавится в домах «Азовстали». И вот уже льется в ковши огненный поток чугуна!

ТРЕВОЖИТ ОБЪЕДИНЕННЫЕ СЕРДЦЕ

ОБСУЖДАЕМ ОЧЕРК «ДРУЖИЛИ ТРИ ТОВАРИЩА...»

НАМ ИДТИ В АВАНГАРДЕ

— Правильно подмечено, — сказал бригадир Георгий Сахно, закрывая журнал. — У Аршинова личный интерес заслонил большое дело коллектива. Собственная хата закрыла перед ним свет. И выходит, живет он не в своем доме, а в погребе, право... Савету маловато, хоть электричество и горит.

— Такое хоть и не часто встречается, а бывает, — подчеркнул Георгий слесарь Александр Самохвалов, которого ребята за рост и силу прозвали «Самосвалом». — Вот у нас бригада коммунистического труда считается, а у некоторых внутри самые что ни на есть некорректные привычки. И даже позорные...

— Ну, это ты, брат, загнул. Почему загнул? Части и Моргути в лагерь пришли выпившие? Выпивши, да еще и поспались. Хоть они и попилились потом, а было бы. А кто они? Члены бригады коммунистического труда. Терпимо? Ни с кем сажают? А почему терпят? Потому что формально подходят. Ничего, мол, перевоспитаем внутри бригады. А ведь что получается? Дискредитация. И само звание топчем.

Техник Пузан, уткнувшийся в газету (разговор происходил в красном уголке общежития), поднял голову.

Нельзя так полагать, что бригада коммунистического труда вроде дистиллированной воды в графине, — сказал он. — Всякий раз — всех микробов убил, пользуешь. Это злод. А в сознании у людей есть еще немало микробов, таких, как у Федора Аршинова. Только в разной степени. Происходит, одним словом, борьба. Вот, к примеру, Кравец. Бригадир коммунистической бригады. А стоило заболеть Косте Фесенко — прибежал к начальнику цеха: «Давай замену!» Как так замену? Ведь Фесенко — член вашей бригады коммунистического труда. Где же этот принцип — все за одного? «Не знаю», — говорит, — как там все за одного, а пока, — говорит, — я один за всех отвечаю. Нам работать надо, план выполнять! Верно, за производство Кравец сильно боится, горячий парень, весь, как струна, а вот с Фесенко сплосховал, не по-коммунистически поживает...

Долго еще толковали ребята об очерке «Дружили три товарища...». Жарко спорили, и спор этот, как оказалось мне, вышел далеко за ворота бригады, цеха, завода. Молодежь страны серьезно задумывается над вопросами: как должен сегодня жить и трудиться молодой человек, как ему воспитать в себе черты коммунистического характера, готов ли он жить при коммунизме? Эти вопросы не надуманы, нет! Они подсказаны самой жизнью. Страна вступила в великое семилетие, широко раскрыла ворота в будущее, и оттуда как бы пахнуло свежим, упругим ветром, надувающим паруса. Человек должен становиться лучше, чище, коммунистичнее. В его характере надо отряхнуть, отшлифовать до блеска черты коллективизма, трудолюбия, честности, непримиримости к лгу, равнодушию, собственничеству, черты интеллигентности в самом высоком, в самом партийном смысле этого слова.

Идет большой разговор в стране. Он ползает тем, что будит нас с миллионами. Он ползает тем, что направляет дела сотен тысяч.

В сознании нашей молодежи появилось новое измерение — будущее. Мысли о нем влекут, устремляют вперед, заставляют подтягиваться, равняться шаг по правоплывающим, по передовым, поощряют творчество каждого.

— Вот когда нам нужен пример из литературы, герой романа или повести, товарищи писатели, — услышала я на одном совещании бригад коммунистического труда. — Создайте образ Корчагина у турстанка или в забое. Пусть научит нас, как жить и трудиться по самому высокому эталону...

И ожить мысли о кипучей воде. Прав, конечно, техник Пузан: в сознании людей есть еще немало вредных пережитков прошлого, с которыми надо бороться, как с микробами.

В Криворожском бассейне есть бригада Ивана Д. Слава о ней гремит по всему бассейну, ей по плану оказалось соревноваться с провалявшейся бригадой дождящих горняков Мамай. Тысячи тонн руды сверх плана на ее счету.

А случилось однажды такое: поощрили бригаду, обеспечили ее членом дефицитных промтоваров — покупайте, ребята, вне очереди, вы заслужили внимание. И что ж? Весь дефицитный товар оказался в квартире... бригадира. Все сам купил!

Поневоле задумался. Никого нарушения, по существу, не совершил бригадир: никого не оскорбил, не обидел. Точно так же, как Федор Аршинов, который тоже, по существу, ничего антиморального не учинил: индивидуальной застройкой! Но если по большому счету жить, — не вытерпели, не примириться, запротестуешь.

Вот тут-то и заикался: скажешь или промолчишь? Проглотишь, «уйдешь в кусты», пропущешь мимо ушей или выступишь, не смиришься, заденешь так, что и бризги из глаз? Будет тяжело тому человеку на сердце, но, глядящи, он лучше становится.

Не всегда откровенничает, не всегда такой «открытым» антикоммунистический или попросту неэтичный, нетоварищеский поступок становится предметом обсуждения внутри бригады или внутри коллектива. А ведь такое примиренчество, равнодушие равнодушия, нежелание порвать отношения с друзьями — тоже далеко не коммунистическая черта характера.

В гости к молодым строителям пришли писатели. В клубе общежития — встреча. Жадно слушают девушки и парни стихи поэта. И вдруг откуда-то из последнего ряда, глухая реплика. Слова и слова... Все обескураживаются, шканют, недогодут. Дежурные успокаивают подвывающего паренька, учтиво уговаривают его.

— Кто этот молчок? — спрашивают.

— Хороший парень, комсомолец.

— Да неужели? — Случается. В мужском общежитии, где живет, он сам подобно не разрешает. Там он на высоте. А здесь — в гостях у девушек. Вот и куражится...

Воспитатель общежития, молодой же, вдумчивый человек, рассказывает о сложностях своей работы с разнохарактерными людьми.

— Нужна упорная, кропотливая работа с молодежью. С населем ничего не достижешь. Иной раз думаю так: создал бригаду комму-

нистического труда, и все попроси по воспитанию молодежи решено.

Я попросил молодых строителей прочитать очерк «Дружили три товарища...».

— Что с ним делать, с Аршиновым? — спросил я. — Как по-вашему, походит он на бригадира коммунистического труда?

— Подходит, — ответил совсем молодой вихрастый пареньек. — А почему, думаете, не подходит? Что хатой увлекся? Так у нас индивидуальное строительство поощряют. Ничего страшного...

А другой, постарше, заметил:

— У нас, знаете, как иногда бригады коммуноворов создаются? Работать привычной? Вечернюю школу или техникум ходишь? Будешь в бригаде. А он, как это говорит, не пропился. Не задрожал... А тут надо, и так думаю, чтоб по слухам мороз прождал: достой ли? А справалось? А выткну ли на такое высокое звание?

Мне думается, правы те, кто считает, что не следует торопиться присваивать высокое звание коммунистической три бригады, которая еще не готова принять на себя это звание, которая не сформировалась внутренне, не сциентировалась сознательной дисциплиной. Пусть поборется эта высокая звание и на производстве и в быту. Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад. Не все бригады достигли высокого звание и на производстве и в быту.

Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад. Не все бригады достигли высокого звание и на производстве и в быту. Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад. Не все бригады достигли высокого звание и на производстве и в быту.

Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад. Не все бригады достигли высокого звание и на производстве и в быту. Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад.

Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад. Не все бригады достигли высокого звание и на производстве и в быту. Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад.

Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад. Не все бригады достигли высокого звание и на производстве и в быту. Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад.

Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад. Не все бригады достигли высокого звание и на производстве и в быту. Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад.

Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад. Не все бригады достигли высокого звание и на производстве и в быту. Таких бригад множество. Это движение повело вперед сотни комсомольско-молодежных бригад.

Ал. БЫЛИНОВ
г. Днепрорезервск.

КОГДА МОЛЧИТ СОВЕСТЬ

С вольением прочитал я в «Сме-не» статью «Дружилы три товарища... О многих заставил она задуматься. Своими размышлениями и хочу поделиться.

Работая на Полтавщине в нефтерословом управлении (Львовско-Калузьком участке), я любил свою специальность, которой овладел в Львовском политехническом институте. Немало трудностей осталось позади. Все мы (во всяком случае, так казалось) хотели начать трудовой путь с рабочих должностей, чтобы глубоко, практически овладеть профессией, которой решила посвятить жизнь.

Первое время после окончания института я работал непосредственно в управлении инженером по строительству и на этой работе, по существу, окончил второй курс. Начальник строительного монтажно-поша Цеха Богавский по-отечески помог: научил составлять смету, проекты жилых зданий; под его руководством я проектировал газификацию поселка Гоголево. Получая начальные знания, я чувствовал себя уже увереннее...

С азав начал и мой друг Петр Сидор. Институт направил его в Миргородскую контору разведочного бурения. Был он и помощни-

ком и дублером бурьячника, за год многому научился. Вырос и в производственном отношении и в культурном. Много читал. Сейчас Петру выданную на самостоятельную инженерскую должность. За него душа радуется.

Нельзя пришлось мне на коротких сроках съездить по Львов. Там, к счастью моему, я узнал, что некоторые из наших товарищей несчастно отнеслись к своему долгу. Вот, например, Роман Хомкох. Его послали в Калузькую контору бурения. На перых порах назначили помощником бурьячника. То ли обиделся Роман на столь «негромкое» начало, то ли увидал не слишком блестящие для себя перспективы, но удрал из маленького городка. Я говорю «удрал», потому что это было настоящим дезертирством, хотя его увольнение получило «законное» оформление: он уехал, похитив бухгалтерские документы, с канцелярской точки зрения, правильно. И вот нефтяник Хомкох устраивается инженером на... мебельную фабрику. Однако дрессировка Романа не научила. И больно делается за него. Везли он был активным комсомольцем в институте.

На одном курсе со мной учился и Фроим Шляман. Мы были хорошими приятелями. После окончания института Шляман поехал в Ромны, в контору бурения. На том участке, где он работал, жулики расквитались часть буровых труб и оборудования, за которые он отвечал. Шляман не был причастен к этому преступлению (последствиями анонимной хищения нашей и сурово наказали), но испугался, что его могут привлечь к ответственности, и решил «на всякий случай» уйти с работы, отказавшись от родной специальности, изучению которой отдал не месяц и даже не год, а целых пять лет. Кем же, вы думаете, устроился Шляман? Имено «устроился». Бригадиром монтажных на Львовском микрорайоне.

— Печеночкой могу лакомиться теперь хоть каждый день,— сказал он с легкой улыбкой при встрече. Не поправился еще его улыбка. «Мало, брат, тебе надобно»,— подумал я.

Ему бы на простор, в степь, на буровую. Жена, и та не одобряет, пытается упорно оставить массу комбайн, поехать на нефтяные разработки. Иду эти строки, и тяжело на душе. Называю твою фамилию, Фроим, лишь с целью помочь тебе осознать твою ошибку. Не понимаю меня превратно. Я от тебя, от бывшей дружбы нашей не отказываюсь, но сейчас, когда все мы должны стремиться жить и тру-

диться по-коммунистически, твоё поведение считаю недостойным. Моя жена, Галина Винниченко, студентка 5-го курса Львовского мединститута. Ей еще год учиться, следовательно, нам быть в разлуке. Однако, когда я в прошлом году получила назначение в Полтавскую область, Галина сказала: «Надо ехать? Езжай!» Да и как иначе могла бы ответить мужу комсомолка?

Живет она в общешкольной. Сейчас — в больные роды. Доучку Лидочку так и не повидал (карантин в больнице). И не хочу утаивать правды: защемило сердце, «а не попытаться ли остаться во Львове? Товарищи помогут устроиться, без работы не останусь»,— мысленно я в голове. Но тут же отбросил полую мысльшку. Поступи так, потом совесть замучает. Сделай один неправильный шаг, за ним последуют другие. «Принцип коммунистического труда»,— говорит в журнале «Смена» старый мастер Семочкин,— не терпит никакой фальши. Сфальшивите в малом — сфальшивите и в большом! Золотые слова!

Нет, никогда не уйду от дела, которое считаю кровным, родным.

Станислав ОСИПОВ, начальник Запечеловского участка нефтедобычи с. Малый Кобальчик, Ново-Савиарского района, Полтавской области.

ПАРНИ ИЗ ПЕРВОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ...

Н едавно во время обеденного перерыва подошел ко мне наш механик Виктор Якубовский и сказал:

— Слушай, Сергеев, проверь у траулера рулевое устройство. Что-то там заедает, а что — не знаю.

Я внимательно осмотрел установку. На ремонт требовалось часа три, не меньше. Надо было оставаться после смены.

— Выручьте — спросил механик. — Кроме вас, никому, а траулер завтра должен выйти в море.

Якубовский, конечно, хитрил: люди были и кроме нас, просто еще хотелось узнать, как поступит в этом случае «парни из первой коммунистической», как нас называют на судоремонтном заводе. Я согласился.

После работы мы зашли в столовую, враскорку перекусили и на траулер. Якубовский ждал нас.

— Вы бы, хлопцы, покурнули, — дружески заметил он, видя, что мы сразу привились за работу.

— Что не можем, того не можем,— повинулся Федор Сушинский. — Запрет на это дело положили, механик. Понял?

— Да вы что, в рай хотите поехать? Смотрите-ка, курить бросили! Что это не вернется.

— Поверите, — ответил спокойный и рассудительный Федор.

Когда мы еще раз осмотрели рулевое устройство, то оказалось, что «привились» с ним надо не три — четыре часа, а целую смену. Но кому? Бригаду сагсеры отравить от основной работы?

— Скажи механику, управимся,— проговорил добродушный

Григорий Крот. — Ребята согласны завтра приехать к половине пятого.

Так и сделали. До восьми, когда начинается смена, рулевое устройство уже было исправлено. А вечером мы все отравились в театр. Смотрели «Третью патетическую» Н. Гоголина. В театры мы обычно ходим вместе с женой, вот только Стася Попов берет себе один билет. Правда, он нам сказал, что мог бы брать и пару билетов, но для кого — пока секрет. И, пожалуй, это единственный «секрет в бригаде. Живем мы дружно, открыто.

Но однажды Григорий в театр не пришел. Дием он говорил, что жена неважно себя чувствует. На следующий день после работы мы направились в наш домой. Григория застали на кухне. Несмотря на протесты супруги Григория, мы вооружились шваброй, тряпкой, ведром. И вскоре кухня и комната блестели, как палуба. Тут же и дров наготовили на полмесяца. «Субботник» кончился знатным ужином собственного производства, в котором приняла участие и восприимчивая душой бабка.

Четыре человека — четыре разных характера. Но всех нас объединяет одна цель — быть полезными Родине. Наша бригада разработала свою сметку, но мы решили сократить ее до пяти лет. Сейчас мы выполняем дневное задание за семь часов, а примерно с первого июля рассчитываем экономить еще один час. Работаем без технического контроля, у каждого — личное кэдмо. Хотим освоить по одной смежной профессии. Мы с Федором уже овладели электросваркой.

В нашей сметке предусмотрены и учеба: до 1953 года Федору закончить институт, Стасю — среднюю школу, мне с Григорием — техникум. Соревнуемся с бригадой котельщиков Язена Луриня, ей тоже присвоено звание коллектива коммунистического труда. Пока идем с ними вровень.

Всего не расскажем о жизни бригады, хотя и имеет она недавнюю историю. Звание нам при-

своили перед XXI съездом КПСС. В дни съезда мы особенно почувствовали, какую ответственность взяли на себя: нам идти в авангарде строителей коммунизма. А шаг идущего вперед должен быть широким, четким.

Николай СЕРГЕЕВ, бригадир бригады коммунистического труда

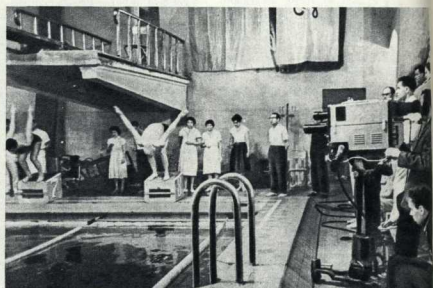
Рижинский судоремонтный завод.

Видно, крепко потрудились сегодня эти парни из первой коммунистической. Слева направо: Григорий Крот, Федор Сушинский, Станислав Попов, Николай Сергеев.

ЗА КУЛКАМИ ТЕЛЕЭКРАНА

Текст М. Дьячкова и С. Чертова.
Фото А. Кравцова.

Во время телевизионной передачи микрофон не должен быть виден на экране — он расположен выше рамки кадра и передвигается на специальной тележке...

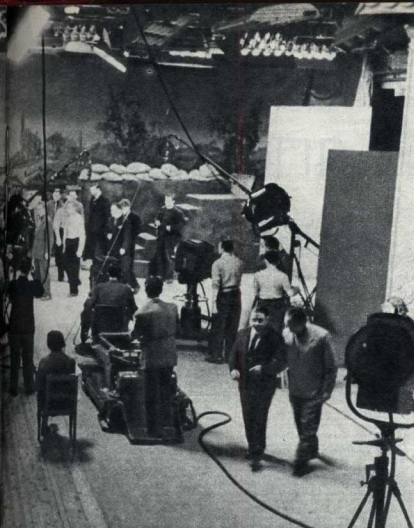
Старший оператор Олег Гудков ведет передачу из плавательного бассейна Центрального спортивного клуба Министерства обороны.

Концерт передавали из телевизионной студии. Танцевала балетная пара. Ведут в голубых окрасках телевизоры, у самой рамки кадра, возникло изображение человека, склонившего над лицом, отделенно наполненным грозидный старинный фотоаппарат. Изображение появилось — и сразу исчезло. Это был случайно попавший в кадр оператор с телекамерой — один из немногих случаев, когда зрители на несколько секунд заглянули за кулисы телевизионного экрана. Но что, если и в самом деле побывать на телестудии, познакомиться с теми, кто создает и транслирует передачи?

...Шаболовка, 53. Два невысоких светлых здания кажутся совсем маленькими рядом со стопятидесятиметровой башней — антенной Московского телевизионного центра. Широкие коридоры ведут в комнаты редакций и репетиционные залы, в аппаратные, гостиные, мастерские. Проходят антеры в гриме и костюмах разных народов и эпох, озабоченные и вечно спешащие режиссеры и редакторы передач, инженеры, операторы. Здесь техника и искусство тесно связаны между собой. Телевидение — самый молодой вид искусства, и не удивительно, что среди тех, кто создает его

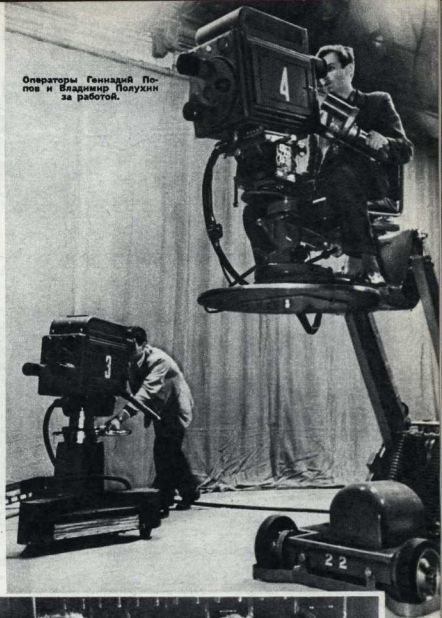
программы, особенно много молодых. — Больше половины работников студии — молодежь, — говорит секретарь комсомольской организации, редактор международных передач Ляос Конадратьева. — Сто летидет из них — комсомольцев. Молодежная редакция студии организована сравнительно недавно, но она уже прочно вошла в число ведущих. Ею, в частности, осуществлена лучшая постановка прошлого года — «Он всегда с нами» (с Николаем Островским). ...Студия «Д» — одна из пяти, откуда идут передачи. Отсюда доносятся звуки восточной музыки,

Дочь посла Цейлона в СССР Анама Малайсенера репетирует танец, с которым она выступит перед зрителями. Это тан называемый транкавай репетиции — перед телекамерами. Изображение передается на экраны, у которых сидят режиссеры. Зрители пока еще не видят его. ...Самая большая, шестисотметровая студия «В». Сейчас отсюда идет трансляция. Сивиничская площадка залита ярким светом. Четыре оператора внимательно всматриваются в видосветатели камер, установленных на подвешенных телележах-штативах. Камеры то поднаправляют чуть ли не к самому ли-

Студия «Б» занимает площадь в 600 квадратных метров... Сейчас здесь артисты Малого театра репетируют спектакль «Порт-Артур».

Операторы Геннадий Попов и Владимир Полухин за работой.

Художник Антон Тимофеев и Валерий Цыгленков готовят декорации к постановке.

В аппаратной телестудии. Слева направо: сменный инженер Елена Василевская, ассистент режиссера Лариса Крюкова, режиссер Василий Храмов, звукооператор Николай Захаров и звуковой техник Елена Лесновская.

чу антра, то резко отодвигают их назад: крупный план сменится общим.

А наверху, во всю ширь стены, звукоинтерпретируемое стекло. Оно отделяет студию от аппаратной. Перед режиссером и его помощником четыре экрана с разными изображениями (по числу камер ввиду). С каждой камеры посылает изображение в эфир, — это решает режиссер.

Иногда накладывают одно изображение на другое, и тогда на экране телевизора крупным планом возникает, скажем, автопортрет художника. Помощник режиссера нажимает рычажки — миншер, и изображение, передаваемое второй камерой, медленно про-

ступает на фоне первого. Эта надпись — название передачи. Еще одно, какатье миншера — и включается третий канал за надписью и портретом отчетливо проступает пейзаж.

За пультом не только режиссер с помощником. Тут и звукооператор, и техники, и инженеры. По окончании передачи диктор не называет их имен; это не принято. А ведь благодари их — операторов Юрию Жавлыкову и Геннадью Попову, инженерам Елене Василевской, Климентию Шору и их товарищам — осуществляется трансляция программ телевидения.

Изображение, звук уходит в эфир... А если придется повторить передачу, как тогда? Все начин-

ать заново? Еще совсем недавно так и делали. Но теперь найден способ снимать изображение на пленку прямо с телевизора, или, как говорят специалисты, с монитора.

— Это очень выгодно, — говорит один из инициаторов нового метода, Василий Федорович Амириди, — Одна и та же передача может быть показана на всех телестудиях страны. Так, например, был целиком заснят концерт Валя Клиффера.

В восьми редакциях студии: общественно-политической, музыкальной, театральной, молодежной и других — все рассчитано по минутам и продолжительность самих передач и время работы над ними.

За последний год телестудия по-

казала 115 новых спектаклей и 174 новые художественные кинокартины, около 100 телевизионных постановок и более 30 телевизионных фильмов, провела 500 вестудийных передач со стадионов и заводов, из молхозов и концертных залов. В течение года по телевидению выступили послы более 20 стран мира, десяти зарубежных писателей, общественных и государственных деятелей, артистов, ученых, музыкантов. Миллионы людей смотрят телевизионные передачи. И хочется, чтобы они с благодарностью думали о тех, кто находится за экранами телевизора. А за ними — постоянные творческие поиски, большой и сложный труд.

ПОД НЕБОМ ЯПОНИИ

В. ШЕВЧЕНКО,
заместитель председателя Комитета
молодежных организаций СССР

Фото автора

Десять лет назад, в апреле 1949 года, в Париже и Праге состоялся Первый Всемирный конгресс сторонников мира. Это был последний всенародный Форум. Последцы семидесяти двух стран — люди различных политических убеждений и религиозных верований — единодушно осудили гонимую вооружениями и пропаганду войны, высказались за взаимное уважение и независимость народов, за развитие между ними антивоенных и культурных связей.

Воле и надежде миллионов простых людей ярко выражены в принятом Конгрессом Манифесте, призвавшем народы всех континентов к брателности, к объединению миролюбивых сил. По призыву Конгресса на всем земном шаре были созданы комитеты защиты мира...

Знаменосцем борьбы за мир является Советский Союз. К нему обращены взгляды простых людей всех континентов. Хорошо сказал о связи советских сверстников — посланцах мира и дружбы — японский юноша Моринава, слова которого приводятся в публикованном ниже очерке: «Мы рады приветствовать наших советских друзей, которые приехали к нам не с атомными бомбами, а с добрыми словами, с мыслью о дружбе и мире. Нам известно, что Советский Союз последовательно и решительно добивается запрещения атомного и термоядерного оружия. Мы знаем также, что наши советские сверстники пришлось пережить немало горей в прошлой войне. Вот почему мы так хорошо понимаем друг друга, вот почему мы вместе, рука об руку боремся за мир...»

Да, мы не хотим, чтобы повторялась Хиросима. Мы хотим, чтобы на земле звучали песни, чтобы в синем небе летали голуби, а не бомбардировщики, чтобы цвели сады и золотились под солнцем тучные хлеба, чтобы по родной нашей планете шагала мир!

Один из живописнейших уголков Японии. Ворота, ведущие в мифический храм бога Соина.

Была уже глубокая ночь, когда под крылом самолета задержали один японский столыци. Каждый из нас старелся представить себе, какой будет встреча. Но то, что мы увидели в токийском аэропорту, превзошло ожидания.

Вокруг нас, словно молнии, вспыхивали «блуждающие» фоторепортеры. Трасса киноаппаратов сливалась с гулом голоса. Несмотря на поздний час, большая группа японской молодежи пришла встречать советскую делегацию. Юноши и девушки скандировали: «Мир, дружба!» Звонела песня «Токио — Москва», которая родилась еще в дни подготовки к Московскому фестивалю, а вслед за ней десятки голосов подхватили. Гимн демократической молодежи мира...

Направляясь в Японию, мы думали, что нам удастся посетить всего лишь несколько городов. Но уже по дороге с аэродрома в гостиницу узнали, что нас ждет к себе в гости молодежь двадцати четырех городов и многих поселков, что там созданы специальные комитеты по приему советской делегации.

— Двадцать четыре города за тринадцать дней! — удивились мы. — Почему за тринадцать? — удивились, в свою очередь, наши хозяева. — Наша молодежь знает, что вы пробудете у нас минимум две-три недели! Вас везде ждут! — Да, но японское правительство разрешило нам только тринадцать дней. — Ах, уж это правительство!...

с досадой воскликнул кто-то из японских юношей.

Мы были очень обрадованы, когда через несколько дней нам все же продали визы.

После кратковременного пребывания в Токио началось путешествие по стране, быстрое, но полное незабываемых встреч и впечатлений.

В городе Хиросима мы видели изуродованные огнем коридоры зданий — немые свидетели страшной трагедии, разразившейся 6 августа 1945 года. В местном музее нам показали расплавленные гвозди, лежавшие в момент взрыва в ящике сапожника, и наконец слышавшие грохот, заработавшие уличным торговцем. Но самое ужасное впечатление произвели на нас гноившиеся, незаживающие язвы на людях...

Около 220 тысяч жителей Хиросимы поражены лучевой болезнью, а в специально оборудованном госпитале имеется всего несколько десятков коек. Но нередко бывает так, что некоторые из этих коек пусты: подавляющее большинство больных живет в тяжелых материальных условиях. Лечь в госпиталь — значит обречь семью на голод.

В Хиросиме нам запомнились пятиминутным — жертвам атомной бомбы — и связанная с ним печальная, трогательная история. ...Маленькой Сасаки Садако, страдавшей лучевой болезнью, приснился сон: она увидела, если сумеет сделать из бумаги тысячу журавликов. Утром Сасаки рассказала об этом врачу. Зная,

что девочка безнадежно больна, тот все же посоветовал ей заняться изготовлением журавлей, символизирующих счастье. И девочка начала мастерить бумажных птиц. Вскоре о сие Сасаки Садако узнали дети всего города. И в адрес больной девочки из всех уголков страны стали приходить посылки с бумажными журавликами. Но они, конечно, не могли Сасаки умереть. И тогда дети Японии начали собирать деньги на постройку памятника. Сейчас он стоит в центре Хиросимы, скромный, красивый, устремившийся вверх, словно журавль, жаждущий своими крыль-

ям защитить детей от угрожающей им опасности.

Молодежь Хиросимы встречала нас, советских делегатов, исключительно радушно. Выступая на одном из молодежных собраний, Моринава — генеральный секретарь местного отделения Сейнэндана! — под бурные аплодисменты всех присутствовавших сказал:

— Мы рады приветствовать наших советских друзей, которые приехали к нам не с атомными бомбами, а с добрыми словами,

— С Сейнэндан! — молодежная организация Японии.

Торговые ряды в Токио. Владельцы магазинов торопятся ждать покупателей...

с мыслью о дружбе и мире. Нам известно, что Советский Союз последовательно и решительно добивается запрещения атомного и термоядерного оружия. Мы знаем также, что нашим советским сверстникам пришлось пережить немало горя в прошлой войне. Вот почему мы так хорошо понимаем друг друга, вот почему мы вместе, рука об руку боремся за мир...

Естественно, что нас прежде всего интересовала жизнь молодежи. Но не всегда и не везде нам удавалось поговорить на эту тему с японскими юношами и девушками — иногда из-за недостатка времени, но чаще всего по другим причинам. В городе Явате, например, администрация не пустила нас на металлургический завод, даже не объяснив, почему. То же самое произошло и в городе Майдзудзу, где мы хотели побывать на судостроительном предприятии. Не допустили нас и на стекольный завод. Глубоко оскорбленные и возмущенные этим, наши японские друзья сказали, что все запреты исходят от американцев, ибо в Явате много смешанных американско-японских предприятий. Японцы соглашались, а американцы без всякого стеснения одергивали своих партнеров, давая им понять, кто является истинным хозяином положения.

Но в тех случаях, когда нас не пускали к молодежи непосредственно в цех, она сама приходила к нам, искала с нами встреч и рассказывала нам о своей жизни.

«Наиболее жгучая проблема для японского юношества — это трудоустройство. В настоящее время в стране ищут работу или заняты неполную неделю более десяти миллионов человек — каждый девятый японец. По официальным данным, в этой огромной армии безработных количество молодых людей не превышает одного миллиона.

— Да не верьте вы этим официальным данным, — сказал нам секретарь отделения Сейиндзана в префектуре Киото. — У нас среди молодежи не менее трех миллионов полностью лишены работы. А сколько еще юношей и девушек, занятых неполную неделю. Вы только не удивляйтесь. Конечно, нам, советским людям, приехавшим к нам из совершенно другого мира, это трудно понять.

Мы заинтересовались, почему именно молодежь прежде всего страдает от безработицы. И нам, как людям другого мира, разъяснили: чтобы работать, нужно владеть какой-нибудь специальностью, а чтобы получить специальность, нужно учиться, а чтобы учиться, нужны деньги.

Мне запомнился разговор с одной молодой парой. Мы сидели за столиком и глядя знаменитый японский фильм после традиционного обмена подарками о специальности и возрасте я заинтересовался, давно ли женаты мои собеседники.

— Чуть ли не ответил юноша, нежно и с грустью глядя на свою подругу. — Да разве это возможно в нашем положении!..

— Но же вам мешает? — Каким вы, однако, наивным человеком! Ведь у нас жизнь не так устроена, как у вас. Чтобы обеспечить семью, нужно иметь работу, принести зарплату, свой

уголок. А можем ли мы иметь свой уголок, если за самое скромное жилье надо платить две — три тысячи иен, а мой заработок едва составляет две тысячи. Ведь придется еще десять надо...

Трагедия заключается еще в том, что если японская девушка выйдет замуж, ее уволят с работы.

Что касается юношей, то они, как правило, получают неполную или меньшую зарплату, чем взрослый рабочий.

Мы приехали в Японию вскоре после того, как широкие массы народа нанесли сокрушительное поражение реакции, пытавшейся путем принятия закона о расширении полномочий полиции и закона о классификации учителей задуть демократические свободы, завоеванные японскими трудящимися.

Практика либерально-демократическая партия, рассчитывавшая на сравнительно легкую победу, серьезно просчиталась. Провалилась и ее ставка на поддержку молодежи.

В ответ на призыв Социалистической и Коммунистической партий Японии во всех крупных городах страны начались массовые демонстрации протеста против реакционных законопроектов.

После полутора месяцев непрерывной борьбы, после многочисленных протестов общественности правительство Исиа, наконец, отступило, и законопроекты о полиции и классификации учителей были сняты с обсуждения в парламенте. Демократические силы страны одержали большую победу, и мы были свидетелями торжества молодежи, которая сыграла огромную роль в достижении этой победы.

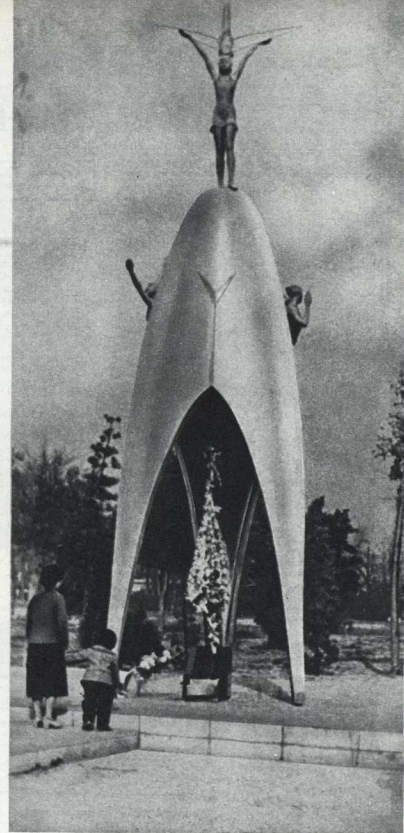
История борьбы японского юношества за мир и лучшее будущее знает много замечательных примеров. Японской молодежи, собравшей много миллионов подписей под требованием о запрещении атомного оружия, немыслим американский оккупационный режим; она гневно протестует против строительства военных баз на территории страны, против отторжения острова Окинава от Японии.

В один из последних дней нашего пребывания в Японии мы увидели на улицах Токио здоровенный верзил в форме американской военной полиции.

Видимо, перехватив наш удивленный взгляд, сопровождавшие нас японские юноши опустили глаза, словно стыдясь, что по улицам их столицы так свободно разгуливают заокеанские полицейские патрули.

— Ничего, скоро им придется убраться! — как бы невзначай, но с легким гневом в голосе заметил один из наших спутников.

Наша делегация встречалась с тысячами простых людей, и каждый проявлял огромный интерес к нашей линии страны, жизни советского народа. Нам задавали множество вопросов. Молодые японцы интересовались буквально всем: уядется ли нам выполнить договор о дружбе, мире и сотрудничестве; какая премьера идет сейчас в Большом театре; закончено ли строительство линии метро до Московского университета; правда ли, что почти все советские студенты получают стипендию, и т. д. Нам было передано множество сердечных писем и телеграмм с пожеланиями успехов и

Хиросима. Памятник детям, погибшим от атомной бомбы.

с просьбами передать самый горячий братский привет советской молодежи.

Из-за перегруженности программы наши переводы из города в город преимущественно проходили ночью. Тем не менее на всех станциях нас встречала молодежь со знаменами и оркестрами. Юноши и девушки дарили нам на память скромные подарки и сувениры, приносили фрукты, угощали лимонадом. Врезался в память такой случай. Когда наша делегация прибыла на станцию Нинига, одна девушка сказала Оле Мировиной, которая хорошо говорит по-японски, что ее просит и телефону. Оказалось, что местные телефонистки не смогли прийти на станцию и хотели поговорить хотя бы по телефону с кем-нибудь из совет-

ской молодежной делегации. И вот каждая из двадцати девушек-телефонисток поочередно брала трубку и просила передать советским девушкам дружелюбный привет и пожелание успешно трудиться на благо мира.

По не зависящим от нас причинам мы иногда опаздывали на встречи с молодежью. Но никто не расстроился. В городе Томае, например, три тысячи человек ждали нашу делегацию более двух часов. И когда мы вошли в зал городского театра, услышала пятиминутная овация.

Мы уезжали из Японии, убежденные в том, что простые люди этой гостеприимной страны и миллионы наших японских сверстников жаждут мира и горячо стремятся к дружбе с Советским Союзом.

НАШ ЧЕХСКИЙ ДРУГ СЕРГЕЙ ПЕТРАС

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Осенью 1958 года я получил 1 премию на международном конкурсе «Лидеры 1958», проведенном Чехословацким комитетом сторонников мира и чешским радио. Был пригласен Чехословацким комитетом месяца ездить по этой замечательной стране. Одну из своих встреч описываю в очерке, который направляю вам. Мне кажется, он может заинтересовать читателей «Смены».

Несколько минут назад самолет «Ту-104» покинул аэропорт «Прага». Далеко-далеко внизу открылись снежные вершины Крюноши. Мой сосед — билет — раскрыл журнал, а я отправился в другой конец салона, где расположились трое чехов. Эти люди еще в аэропорту привлекли мое внимание. Двоих я знал. Симпатичный толстяк с тубкой в зубах — чудачество и неумолимый путешественник Ян Дрда. Рядом с ним Густа Фучикова — жена, друг и помощник Юлиуса Фучика. А кто же третий, в форме подполковника чехословацкой армии — красивый, пестрый и как будто бы еще очень молодой? На груди у него орден Ленина. Понизже несколько рядов разноцветных ленточек. Ордена Александра Невского, Богдана Хмельницкого, медали «За оборону Москвы», «За освобождение Праги»... Пятнацать или восемнадцать других ленточек были мне неизвестны.

Ано, прощай, прощай! — ободрающе позвала Густина. — Я знала, что вы придете знакомиться с нашим Петрасом. Он из той же породы, что и русский летчик Маресьин!

Кто знает, или «Ту-104» слишком быстро поглотил сотни километров, или наша беседа с Сергеем Петрасом развивалась очень быстро — по-чеховски — медленно, но мы только успели установить, что мир все-таки тесен, что у нас немало общих фронтовых друзей, и обменялись адресами... Однако меньше чем через три недели мы снова встретились вместе с Сергеем и его женой Александрой Ивановой, коренной москвичкой, мы летели в Сухуми. Петрас торжественно продемонстрировал мне две пистолеты в сапожках.

Бось, что все-таки об очень многом я так и не успел рассказать Петраса, тем более, что всякий раз об более охотно рассказывал о своем отце — о дедушке — первом чешском коммунисте, и матери, также отдавшей жизнь революционной борьбе.

...В печальную осень монгольского предательства, когда «англо-американцы» из Лондона и Парижа в тайномговоре с чешской бур-

жуазией отдали народы Чехословакии награду Гитлеру, Сергеев бросил учебу в университете. Он родился 7 ноября 1921 года в Остраве, где терриконы угольных шахт подпирало небо, постоянно расцветавшее заревом плавак из дымоходов заводов.

Подружка некоторых отношений дедке, нежелая взрослому: за ним не такой строгий надзор полицейских, порганизчиков, и он истрасивно дедке взрослому, за кем-то шел Сергеев на встречу судьбе, и ей воле-неволе приходится оправдывать надежды юности... Путями тайными и далеко не прямыми, неделим рядом со смертным шел Сергеев в новый мир, в новую эпоху ласковой истории.

Сергей очутился в Москве. Здесь он окончил среднюю школу и весь остался незадолго до того пробужденной страсти — живописи. Юношу пригласили работать художником в студии мультипликационных фильмов. Потом пришла любовь. Но раньше, чем пришла, Сергеев девушка с Чистых Прудов успели отпраздновать свадьбу, гнилуша юная. Молодой художник Сергей Петрас стал бойцом комсомольского батальона Красной Прессы. Вместе со своими ровесниками он сгасил и сбрасывал с крыши «зажигалки», иногда участвовал в операциях по уничтожению парашютистов и диверсиях. Но ему хотелось чего-то большего. В батальон состоял из юных добровольцев, метавших в переносимом крае и о подвигах из ряда выходящих.

Не так много времени спустя по распоряжению командования Сергей поехал на... Волгу. Там, между великой русской рекой и оренбургскими степями, подполковник Левада Свобода собрал юную «серую тушью» — отставных чехословацкой батальон. Он говорил чехам и словакам, съезжавшимся со всех концов советской земли: «Я не обещаю вам ни денег, ни славы, ни удобства. Вы будете в походах, под огнем и под дождем, но советская перед Родины, человечеством будет чиста».

Командир определял Петраса во взвод автоматчиков; там группировались люди особенно крепкие, бывалые, в большинстве уже с боевым опытом. Командовал взводом бузавуя Герой Советского Союза Антоний Соколов, из такой же потовтенной рабочей семьи, как и Петрас. Старшиной по должности и самым старшим по возрасту был Антоний Коричнев, много переживший коммунист. Он хорошо знал отца Сергея, и, если даруно никого не было, Сергеев душевно называл Коричнев — отце.

Бывший инженер Петрас получил на земле Украины. На Харьковские еще небольшой поселок

Соколов, вот там чехословацкая бригада и породилась впервые в истории нашей страны много чехи погибли в том памятник для Сергея бою. Их имена вавечно занесены в списки Вооруженных сил Чехословацкой Республики...

Под Соколовым в десятках других же более жестоких боях до самого апреля 1945 года Сергей Петрас был слово заговоренный. Ничто его не брало — ни пули, ни снаряд, ни авиационная бомба.

При форсировании Днепра и захвате плацдарма в лесу севернее Киева молодой лейтенант Петрас уже командовал ротой автоматчиков. Газетно в тех же метках почти четверть века назад сражался и отец Сергея — Владислав Петрас. Он командовал красногвардейским отрядом чешских добровольцев, отгнавших последователей за мятежным корпусом Гайды. Соповление было случайным, но Сергей видел особое значение в том, что в самом буквальном смысле идет по стопам отца.

На рассвете ноября 1943 года первые советские танки востались на Подол — северо-восточную окраину Киева. С противоположной стороны поднимались пологие холмы артиллерийского в Праге, улице Кирова мекх-автоматчики. Одними из первых они достигли Крещатика... За мужество и доблесть, проявленные в этих боях, Петрас был награжден орденом Ленина и орденом Красного орденом «Вонский крест».

Все дальше и дальше на запад шла Петрас и его боевые товарищи. Подобно тому, как мотушка река в своем беге к морю ширится, выбирая в себя несчастное число бурных ручейков, так росло и чешское национальное формирование. Особенно сильно пополнялись ряды в Ровенской и Луцкой областях Украины. Оружия требовали шестидесятилетние юнцы и шестидесятилетние деды. Те и другие одинаково не умели обращаться с оружием. В короткие периоды между боями добровольцы надо было обучить основам вонского мастерства. Теперь двадцатитрехлетний Сергей Петрас, награжденный еще четырьмя «Вонскими крестами» и орденом Богдана Хмельницкого, помимо роты автоматчиков, имел под началом и школу сержантов.

Завсегды все чаще затаивали старинную чешскую песню, автоматчики дружно подхватывали слова: «Каждый пройдет свой метр, мы приложим метр к метру и продвинемся против течения на сотни километров». В начале октября 1944 года Петрас был назначен командиром батальона десантников в только что сформированной чешской танковой бригаде и получил карту, на которой уже было обозначено Дунайский перевал и словацкий город Прешев.

По ту сторону перевала в деб-

рах Высоких Татр, в сумрачных ущельях и в солнечных долинах Гроуна и Вайска, выжили в борьбе с врагом мужественный словацкий народ. Лесорубы и смолокуры, рабочие цементарей, паровозные машинисты и деловые слесари, земледельцы, учителя, врачи целыми семьями шли на сборные пункты. Началось героическое словацкое восстание. Солдаты Людвиг Свобода плечом к плечу с советскими дивизиями подходили к рубежам Чехословакии.

Путешествия по Словакии, я видел в Высоких и Низких Татрах, возле Банской Быстрицы, у Томашова и города Жилина, вблизи города Зволена. Три дуба, много братских могил и памятников героям. Памятник двадцати четырем советским и чехословацким летчикам... Памятник французским авиаторам в Путовце-на-Теле, изданном в 1958 году Чехословацким бюро путешествий, сказано: «В бой за Дуклу за нашу родину отдали жизнь воины разных стран, но не покинул и смельчак тысячу бойцов чехословацкого армейского корпуса в СССР».

В июньском рукописном бою на высоте «634», много раз переходившей из рук в руки, Сергей был ранен. Стрел он не попустил и уже на следующий день угарным обходным броском вывел десантников в тыл противника. Счастье еще сопутствовало Петрасу. Ему еще удалось выжить в Прешеве, зимой переправить через Высокие Татры и принять участие в освобождении нескольких польских городов, форсировать Одер.

И настало прозрачное, солнечное апрельское утро в Омске. Сергей отчетливо видел терриконы угольных шахт Остравы. Сильнее забилось сердце. С тревогой подумало: кого он застанет в живых из родственников? Неужели такое огромное счастье — войти в родной город освобожденным!

Около полудня немецкие танки пошли в контратаку. На их пути нужно было поставить огневой вал. Петрас прямо-таки устроился на крыше дома и корректировал огонь. Из-за угла высочил фашистский «тигр» и с яростно обреченного вскаки в дом свара, за ним второй.

После боя десантники разскажи командиру. Сергей лежал среди чудовищного непроможаемого обломков. Голова, лицо, грудь обожжена балом в крови. Солдаты не разбирались, жив Петрас или нет: привели в сознание его никак не удавалось, а тело было теплее... Отвезли в госпиталь. Вышел ударно в двадцать дней. Боевые сержанты признали положение безнадежным: в голове Петраса он обнаружил пять осколков.

Сергей очутился в советском госпитале в польском городе Рыбинь. Первое, что он услышал, была частая, беспорядочная стрельба из автоматов и пистолетов где-то совсем рядом, чуть ли не за окном.

«Что делать? Живым ни за что не дам!» — твердо решил он. Попытаться вскопнуть, но адекватное произлава все тело, навалилось только что черное... Много познание узнало от беспорядочной стрельбы под огнями раздалась в честь победы...

(Окончание см. на стр. 18.)

Гюстав Курбе. Водяная мельница.

Рембрандт. Автопортрет.

В минувшем году по решению Советского правительства музеям ГДР были переданы замечательные произведения мирового искусства, спасенные советскими войсками во время боев на территории Германии: уникальные творения античных мастеров, рисунки, живопись и скульптура известных европейских художников и мастеров, графика, прикладное искусство стран Дальнего Востока, Италии и Германии.

В этом номере журнала мы воспроизводим пять картин из коллекции живописи, переданной Советским правительством музеям Германской Демократической Республики.

Эмануэль де Витте. Рыбный рынок в Амстердаме.

Ян ван Гойен.
Марина.

Камиль Коро.
В лесу.

З О Р К И Й Г Л А З

1

Электрик Саша Вохат возвращался поздно вечером домой, в объективе строителей. Улицы города были пустыни. Но вот послышался шум мотора, шестел шин. Визгуляя тормозами машина, затесалась зеленым огнем. Саша видел, как открылась дверца такси и из машины вышла девушка, а за ней рослый, плечистый парень...

На другой стороне Саша встал рано, оделся и выехал на улицу. Миновал черемушкинские улицы, он зашагал вдоль обочины шоссе, радостно, всей грудью вдыхая свежий, утренний воздух.

Неожиданно Саша остановился. В ковете лежала девушка, едва прикрытая ветками. Откинута назад рука сжимала комок земли, лицо искажено судорожной гримасой. На шее зареклась кровь. Девушка была мертва. Саша не чуя ног побегал в обочинке, к товарищам бригады. Вскоре все было на ногах. Ребята позвали в милицию, а сами помчались к месту преступления.

Лицо и шея девушки были синими. Убийца задушил ее. Но откуда же кровь? И вдруг Миша Дубровский вскрикнул: — Смотри!

Мочка уха убитой была оторвана. Видимо, преступник убил девушку с целью ограбления.

Через час по всем домам и обочинам Черемушек и Юго-Западного района столицы звенели телефоны.

Следствие началось... Бригаднички Саша Вохат, Волода Кудряшов, Михаил Дубровский и другие ребята знали почти всех двачат района. Но убитая была им незнакома. Не смогли опознать ее и вызванные в милицию командиры и домоуправы. Приостановив дальнейшее следствие, Черемушкинские следователи уже дали вместе с товарищами по работе задание оио в бригаду содействия милиции. Друзья-бригаднички задержали и доставили в милицию не одного врага и спекулянта. Но теперь они столкнулись с самым страшным преступлением — убийством.

...Снова наступил вечер. Оплаздала на свиданье, Саша быстро мчался мимо неторопливо шагающих людей. Вот и знакомый перекресток. Теперь недалеко. Чей-то голос окликнул его: «Садись, с ветерком докачу!»

Зеленый огонек приветливо светился под стеклом «Победа». Саша приостановился. Что-то как будто толкнул его. Это огонек! Где он видел его? Саша мучительно перерыл в памяти последние события. И вспомнил... Ночная, притихшая улица, визг тормозов... Нарядная девушка и рослый парень выходят из такси...

Саша, на мгновение задумавшись, повернул обратно. Он пошел к следователю. Капитан Якунин слушал, не перебивая. Да, возможно, что такси, которое видел Саша накануне вечером, привозило в поселок убийцу и его жертву. Это одна из нитей. Но как отыскать шофера машины? В Москве примерно десять тысяч легковых такси.

С огромным трудом работникам милиции удалось выяснить, кто из водителей во вторник вечером возил пассажиров в Черемушки. Через несколько дней на столе капитана Якунина лежал список. В нем было около сотни человек.

В чей машине ехали молодые пары? Оказалось, что молодых людей возили тринадцать шоферов. Два водителя высадили пассажиров там, где заводит Саша зловещий огоньчик — на перекрестке, возле магазина... Якунин по-

Недавно Центральный Комитет КПСС и Советский Министры СССР приняли постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». В первый же день, того же или того же было опубликовано постановление, а на нем тресте организовалась народная дружина. Ядро ее составили зачисленные в боевых дивизионах бригаднички. А таких работ у нас немало. Недаром работники милиции Юго-Западного района столицы, где я живу, называют своих помощников «зоркими глазами».

Об одном из эпизодов нашей совместной работы с милицией и я хочу рассказать на страницах «Смена».

А. АСТАХОВ,
агентрич треста «Москвипрострой»

слад дежурного за Сашей. Саша вспомнил, что в тот день свиданье у него было назначено в половине одиннадцатого, а этому времени подгура кончала занятия в вечерней школе. Расплатился они примерно около часа ночи.

Теперь из двух машин осталась одна, ибо, по словам водителя другой машины, его пассажир вышел из такси, когда еще было довольно светло.

2

На площади, залитой лучами заходящего солнца, стоял десятк такси. Среди них находилась и серая потреланная «Победа». Саша подошел и решительно открыл дверцу.

— Свободно!

Шофер неторопливо обернулся и буркнул:

— Оставайтесь здесь, — попросил Саша.

— В Черемушки. Пассажир оказался общительным. Едва машина тронулась, он протянул водителю кофину с папиросами.

— Не забудь о вашей работе. Давать выспит нельзя. Чуть что — права отберут. Шофер ухмыльнулся:

— Не всегда.

Слово за слово, они разговорились. Вот и Черемушки. Знакомый перекресток.

— Оставайтесь здесь, — попросил Саша.

Через несколько минут он снова сел в машину. Такси миновало последние дома, они выехали за город и вскоре расползлись на траве около раскинутого дерева. Саша достал бутылку воды. Водитель, улыбаясь, ловко выбил пробку и стал пить прямо из горлышка. «С таким пойдет разговор!» — обрадовался бригадничек.

— А кружки у тебя нет? — спросил он у шофера.

— Конечно, — добродушно ответил водитель, — пончи, где-то под сиденьем.

Саша долго рылся в шоферском снаряжении, пока его приятель отдыхал на траве. Он хотел уже поставить сиденье на место, но вот среди металлического хлама что-то блестящее. Он нагнулся. Рядом с большим гаечным ключом лежала украшенная с золотом сержка.

Саша быстро опустил сиденье. Он с трудом сдерживал себя. Серое бы в городе! Просмотрев характеристистку и личное дело водителя Василия Кормакова, где говорилось о нем как о человеке неуравновешенном, часто нарушающем дисциплину, следователь Якунин приступил к допросу.

— Когда же вы видели в Черемушки?

Василий стал рассказывать:

— На стоянке у Павелецкого вокзала в машину сели двое: молодой человек в сером костюме и молодой человек в ярком платье. В руках девушка держала модную сумочку...

— Сидела она долго возил их по городу. Потом молодой человек предложил посмотреть новый, Юго-Западный район столицы. Потом поехали в центр, а поздно вечером — снова в Черемушки... Здесь и высадил их Василий.

— Что было надето на девушке?

— На руке золотые часы. Ожерелье...

— А сержак на ней не было?

— Кажется, был... Да, были. Блестящие такие, желтые с зеленым.

Следователь, Саша и бригаднички вместе с водителем идут к машине.

— Поднимите сиденье, найдите ключ. Кормаков спокойно поднимает сиденье, воронит тряпки и замирает. В углу зеленым огоньком светится изумрудная сержка.

— Откуда это у вас? — спрашивает Якунин.

Волнуясь, Василий говорит, что не знает, как могла очутиться в машине сержка, которая была в тот вечер на девушке.

— Ну, а эту девушку вы видели?

Следователь достает из ящика фотографии убитой и кладет перед шофером. Кормаков вскакивает. Его взгляд растерянно перебегает с фотографии на следователя.

Долго сидел Кормаков в кабинете Якунина. Он подробно рассказал обо всем, что было связано с необычной поездкой. В одном из магазинов молодой человек купил вино, водку, закуски. Деньги он доставал из сумки своей спутницы. Это были новенькие хрустящие ассигнации. Да, к сожалению, и сам Кормаков не удержался и согласился выпить. Поэтому-то он и не мог сослаться на свидетеля о ассигнациях. Молодые люди разговаривали, шутили. Мужчина вынул из уха девушки сержечку и, смеясь, сказал, что это на память... Потом они еще ездили по городу.

Из показаний водителя следователь узнал, что раньше Кормаков не раз возил молодого человека в сером костюме. Обычно он садился в машину с какой-то женщиной. Она появлялась из здания Павелецкого вокзала, очевидно, приезжала на пригородном поезде.

В тот вечер она тоже была на площади у вокзала. Кормаков узнал ее. Она стояла недалеко от машины и ждала чего-то. Увидев своего знакомого с девушкой, быстро повернулась и ушла.

3

Следователя по-прежнему мучил вопрос: кто же убил? Проходили дни. Никто не запрашивал у ней. Значит, она не была москвичкой. Но откуда она приехала? Следователь заинтересовался теми, кто, подав в аузы заявления и документы, не вернулся за ними. Таких оказалось не очень много, и документы каждого нового не считали ему.

Якунин терпеливо продолжал поиски. И вот наконец он узнал, что в Московский университет пришел письмо от Сталино на имя студента первого курса Людмилы Горянух. Среди студентов курса не было. Не было ее и в списке зачислившихся. Письмо это стало обратное. Через несколько дней из Сталино в университет пришла телеграмма. Не кто Горянух просил срочно сообщить о судьбе его дочери Людмилы.

Следователь по телефону связался с городом Сталино. Он сообщил Горянуху, оказавшемуся руководителем одного из крупных

улыбных трестов, чтобы тот срочно прибыл в Москву.

— В кабинет следователя вошел пожилой плотный мужчина в черном пальто.

— Что вы знаете о судьбе моей дочери?

Где она! Янукин попросил Горничную показать ему фотокоробочку дочери. Тот бережно достал из бумажника маленькую карточку. Следователь внимательно слыл фотокоробочку. С обих карточек на него глядело одно и то же лицо.

Подваленный горем, инженер долго не мог приступить к рассказу.

— Этот летом Людочка окончила среднюю школу... Любимая дочка... Мы делали все, чтобы угодить ей. Она ни в чем не знала отказа... Поезда попутала в институт... Сначала в Харково. Писала, что усиленно занимается. Потом письма перестали приходить. Мы послали телеграмму. Узнали, что она уехала... Через несколько дней Людочка позвонила из Москвы, сказала, что собирается поступить в университет. Какой-то человек вылезал ей помочь. Но для этого были необходимы деньги. Люда просила срочно прислать несколько тысяч.

— И вы послали?

— Да, до востребования, на Центральный пункт.

Получив деньги, Людочка прислала коротенькую телеграмму, что все в порядке. Больше никаких известий от нее не было.

4

Десять дней дежурят на площади у Павелецкого вокзала работники милиции и бригадильцы. Они внимательно следят за женщинами, что подходят к столу такси... Сидят тысячи людей только отыскать одну женщину.

В длинной шеренге такси стоит и серая старенькая «Победа». За рулем ее Кормаков. Стали свободно, но под стеклом машины не светится зеленый огонек. Он загорится только в тот момент, когда на вокзальной площади появится женщина, которую ждут бригадильцы.

Спускаются сумерки. Площадь сияет. Пора уходить. Саша Вохатс медленно надевает в метро. Волею судьбы он еще раз оглядывается... и замывает. Загорелся зеленый огонек «Победы».

Площадь пересекла молодая женщина. Она шла к платформе.

Нельзя было терять ни одной минуты. Бригадильцы направился вслед за женщиной. Вошел в вагон и остановился в тамбуре.

Электричка мчалась мимо унылых дачных поселков. Женщина вышла на одной из тихих, пустынных станций и пошла по дорожке

в лес. Шумели высокие сосны. Прицелься за деревьями, Саша шел за незамкнутой. Все они оступились в небольшом дачном поселке. Женщина остановилась возле калитки дома с черепичной крышей, оглянулась и вошла в сад. Саша перелез через забор и, спрятавшись в кустарник, стал наблюдать.

Рядом кто-то тихо свистнул. В окне мелькнул огонек. Саша осторожно выглянул из укрытия и резко отпрянул назад: в нескольких шагах от него стоял высокий мужчина в сером пальто. Тихо скривил губы ступеньки; мужчина прошел на веранду. Шелест листьев мешал Саше услышать, о чем он говорил с женщиной. До него доносились лишь обрывки фразы: «...послезавтра, в ресторане с Кларой, в девять». Голоса смолкли. Подождав немного, Саша вышел из укрытия и перемалку через забор.

Не скоро он отыскал местное отделение милиции. Дежурный по его просьбе позвонил в Москву. Спусти несколько минут к поселку уже ахали милицейские машины.

Маленький домик, спрятавшийся в глубине сада, был оцеплен. Следователь подошел к веранде и постучал. Дверь открыла молодая женщина в ярком голубом халате. Следователь проговорил ее фамилию. Женщина сказала, что назавтра была опасной рецидивисткой, которой долгое время удавалось скрываться под разными фамилиями.

Мужчины в доме не оказалось... Обшир подходил к концу, когда взгляд следователя упал на туалетный столик возле кровати. На нем стояла маленькая коробочка. Следователь попросил разрешения открыть коробочку.

— Пожлуйста,— пожалла плечами женщина. В коробочке рядом с бусами и клипсами одиночно сверкала маленькая изумруда с золотом серьжками.

— Вы носите серьги?— спросил Янукин женщину.

— Да, конечно,— ответила та поспешно.

Янукин взглянул на женщину—мочки ее ушей не были проколоты. Женщина смутливо

— Это подарок подруги.

— А где вторая серьжка?

— Потеряла...

5

Следователь долго говорил с арестованной. Она продолжала утверждать, что серьги ей подарила подруга. Адреса и фамилии ее она не помнила. Как же распутать эту клубок? Больше всего Янукина беспокоило то, что не удалось навесть на след мужчины в сером костюме. Как только он догадается об аресте

своей сообщницы, конечно, постарается скрыться.

На следующий день к Янукину пришел Саша с товарищами. Он подробно рассказал следователю о своей ночной «прогулке». О чем говорили на эстраде? К сожалению, он уловил только обрывок фразы: «...послезавтра, в ресторане с Кларой... в девять... Клара! Кто же она! И вдруг один из бригадильцев вспомнил...

Это было в погоде назад. Его товарищи работали наградами орденком, и молодые стрелники решили отпраздновать это событие. В один из субботних вечеров друзья пошли в ресторан. В этом ресторане играла женщина-аккордеонистка. Подышавшие стилист, сидевшие на соседней эстраде, в течение асаго вечера выкрикивали: «Клар! Буги! Может быть, об этом ресторане шла речь!

6

Ресторан был переполнен. Зауки оркестра сливались с гулом голосов. Недалеко от эстрады за столиком сидела пара. Женщина, по-видимому, кого-то ждала. Руки ее нервно терлабила маленькую сумочку; она быстрым взглядом окинула эстраду, а затем появилась в дверях. Шумная компания сидела у самого входа. Саша и его приятели встали у балкона, чокнулись...

Без пяти минут девять в дверях появились парадной мужской в шапку руку ему; а в черной шляпе. Следом за ними вошли трое военных.

Три минуты десятого. Высокий молодой человек, одетый в черный костюм, вошел в зал и неторопливо направился к эстраде. Женщина за столиком немедленно уронила бокал. Мужчина в черном костюме быстро двинулся обратно к выходу.

Но около самых дверей перед ним вырос пьяный. Он обнял мужчину и начал уговаривать его остаться. Их окружили еще несколько подышавших молодых людей.

Все компания вышла на улицу, где стояла «Победа». Пьяные, галдя и распинаясь в дружеских чувствах, втолкнули в нее мужчину.

Воре в народном суде слушалось дело об убийстве Людочки Горничку. В напряженной тишине грозно прозвучали слова судьи: приговорить к высшей мере наказания—расстрел!

А спустя некоторых время Саша Вохатс, Евгений Гришков, Владимир Кудршов, Михаил Дубровский и другие бригадильцы за находчивость, проявленную при поимке преступников, получили правительственные награды.

А. АСТАХОВ

НАШ ЧЕШСКИЙ ДРУГ СЕРГЕЙ ПЕТРАС

Начало см. на стр. 16.

Три осколка советские хирурги извлекли. Пытались достать еще два, признали слишком рискованными...

На исходе лета Сергей Петрас выехал из госпиталей. Он добрался до Праги, пришел в управление кадров военного министерства. Делами завладела «лондонские» чехи—духовные братья влиятельных мюнхенской торговли. Обмотки и взорванная осколками, не очень умело починенная гимнастерка Петрас вызвала нескрываемое раздражение. Подумав: «Обмундирование, в котором сиете, можно было бы выдать новое, ангийское, а толк какой— чтобы еще один коммунист появился в офицерском корпусе?... Э, нет!»

Элегантизм господина в министерстве показалось, что они на

лицу чудесный и притом вполне благопристойный выход из столь шекотливого положения.

Когда Петрас снова появился в управлении кадров, ему очень любезно сообщили: «Ваши претензии совершенно необоснованы. Нашелся приказ о том, что вам по-смертно присвоено звание капитана и вы награждены еще одним орденом «Войска креста», а затем, как ни печально, исключены из списков армии... Сейчас никого не принимают, упаси господь, начинается демобилизация. Нет вакансии даже для офицеров с академическим образованием».

В Праге Сергею больше нечего было делать. Точнее сказать, пока еще нечего было делать. Ведь все это происходило до февральских событий 1948 года, до того, как народ сказал свое решительное

слово—быть Чехословакия социалистическим государством.

Сергей отправился в Оставру. Нашлась работа—художником-карикатуристом в местной газете. Но прежней радости рисования не приносило. К уж неприятным голубым бликам прибавилась резь в глазах. Размыргались нервы... Ушел из редакции, поработал немного на фабрике, и это оказалось не под силу. Петрас решил забраться куда-нибудь подальше, где бы его никто не знал, и по-встать тихую, бездумную жизнь отставного инвалда. Облюбовал подходящее местечко в горах, там как раз нашлась и работа в табачном магазине...

А девушка с Чистых Прудов никогда не забывала парня из Оставры. Она все размышляла его. Чем меньше оставалось надежды, тем она становилась смелее, настойчивее, обращалась во все более высокие инстанции. И ведь нашли ее любимого! Нашли в самом для него нужное время, когда Петрпусы было чертовски трудно.

Кто отважится сказать, что

есть сила, способная творить больше чудеса, чем любовь? Особенно, когда любовь объединяется с молодостью. Не скоро—не через месяц и даже не через год—Сергей поменял работу, занялся спортом. Подозрею к ежедневной гимнастике прибавилась плавание, волейбол, лыжи.

Пятихотку, чтобы проверить, вернулись ли способности к работе. Сергей принялся изучать английский, затем и немецкий языки. Ничего, удалось!

Ну, а в 1953 году в Высшей школе командиров механизированных полков появилась новая слушатель, по званию майор, кавалер ордена Ленина, Богдана Хмельницкого, Александра Невского, восьми чешских «Войска креста», и т. д., и т. д. К занятиям он приступил на четыре месяца позднее других, но ни в одном предмете не отставал.

Это был Сергей Петрас, парень из Оставры, но той же породы, что и русский летчик Маресьев. Вы правильно сказали, Густина.

Прага—Скумун.

Тасные

“АНТИСТИИ” “НУСКИ”

КАК СНИМАЛСЯ ЦВЕТНОЙ ФИЛЬМ
«ЗЕРОЛОВЫ»

Фото автора.

Тигр находился за железной решеткой, но все же он ухитрился оставить следы от своих когтей и юггты на бленде объектива киноаппарата оператора.

В перерыве между съемками и рыси половен отдых...

Много кинокартин, посвященных жизни и обиходу животных, выпускает Московская студия научно-популярных фильмов. Особо большие успехи пользуются у зрителей те из них, в которых наряду с авторами участвуют такие хищники, как тигры, медведи, барсы, рыси, волки. Надо сказать, что эти фильмы, как правило, снимаются без применения каких-либо киноаппаратов. Но не всегда и не все эпизоды, связанные с жизнью зверей, птиц и рыб, можно снять, или, как говорят кинематографисты, подсмотреть, непосредственно на натуре, в естественных условиях: в лесах, горах, озерах и морях...

Приведу, к примеру, такой весьма интересный случай. Преследуя зверя в дальневосточной тайге, охотники неожиданно наткнулись на совсем еще свежие следы смертельной схватки тигра с набаном, которая закончилась победой хищника. Была ли возможность снять подобный эпизод для кино? Конечно, нет. Но нельзя предугадать, где именно произойдет такая схватка и сколько времени придется выманивать ее в тайге. Поэтому съемки таких эпизодов специально организуются.

Нужные результаты достигаются с помощью специалистов-дрессировщиков. Много времени и труда затрачивают они для того, чтобы звери хорошо справились со своими «ролями».

Во время работы над фильмом «Зероловы» нам раз требовалось снять момент борьбы тигра с набаном-сеначом. Никто не мог знать, чем кончится поединок этих двух сильных зверей, так как тигр и набан были одинаковых «весовых категорий» и обиход природы наделяла довольно длинными и острыми когтями. С набаном дело обстояло гораздо проще: ему предстояло участвовать только в одной сцене. А исполнителем главной роли, тигр «Айфуна», обитатель Бамнинского зоопарка, должен был еще сниматься в других эпизодах. Вот почему постановщик фильма Г. Ниפוдин и режиссер-дрессировщик А. Жидан не хотели подвергать опасности жизнь «Айфуны». Зная по опыту, что зайчик четвероногого «артиста» дублером остается для зрителя незаметной, они решили попросту представить с дублером, то есть с подставным тигром. Из Ленинградского зоопарка срочно был доставлен на самолет бывший «хитцем» усуринских джербей тигр «Амур». Для съемки сцен боя пришлось соорудить вольтер — огороженную решетками небольшую участю леса. Когда операторы, расположившись в трех различных точках, заняли в аппаратов и приготовились к съемкам, в вольтер пустили набана, а затем тигра. Все было уверены, что сейчас произойдет кровавая драма.

Но ничего подобного не случилось. «Амур», этот грозный на вид зверь, оказался на редкость трусливым и боя не принял. После это-

го ничего не оставалось, как riskнуть главными исполнителями. «Айфуна» оказался более смелым и энергичным зверем. Завязалась ожесточенная борьба. Решетки вольтера содрогались от мощных ударов. Тигр, как более подвижный зверь, ловко избегал острых когтей набана-сенача. Он стремительно бросался на него сзади и квалтал своими мощными когтями за щепинистый загривок.

Стараясь заснять самые острые моменты боя, операторы то и дело перебедали с места на место. Был такой момент, когда оператор Георгий Хольный чуть серьезно не пострадал во время съемки. На бленде объектива его киноаппарата до сих пор сохранились следы от когтей и юггты тигра...

В фильме показан также поединок с рыском. Но на этот раз в единоборство со зверем вступил чело-

вен. Для того, чтобы эпизод получился более впечатляющим, артист Иван Саввин согласился сам репетировать и сниматься во всех сценах. Не раз рысь кусала и царапала его, но актер бесстрашно продолжал сниматься.

Есть в фильме, поставленном по сценарию С. Бурулю и А. Жидана, и много других интересных эпизодов, например, ловля сайгаков, пеленачнов, динообразов, схватка человека с горным орлом-беркутом.

Роль главного героя — охотника-зверолова Егорова — исполняет молодой артист Иван Саввин. В фильме заняты и такие известные артисты, как И. Новалы-Самборский, В. Ситко, Г. Милляр. Натурные кадры снимались под Москвой, Ленинградом, в Казахстане, Киргизии и на Дальнем Востоке.

В. ТОРОПОВ

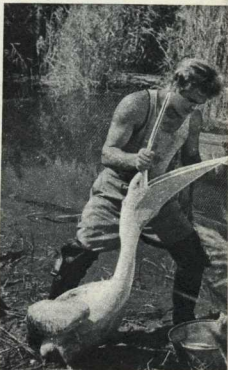
Орел-беркут утащил из-под самого носа охотников сайгачонка и как ни в чем не бывало принался за завтрак.

Артист Борис Александрович Ситко, исполняющий роль дидерефта зверолова, пытается «зуротить» на редкость упрямого винторогого полова...

Грозный с виду тигр «Амур» струсил перед вываном и не принался боя...

Этого пеленача только что поймали — надо еще научиться выманить птичку... В роли охотника-зверолова молодой артист Иван Саввин.

Заслуженный мастер спорта Василий Кузнецов, добившийся выдающихся успехов в чемпионате Европы, по праву был признан лучшим спортсменом страны в 1953 году. Его имя хорошо известно не только в нашей стране, но и за ее пределами. Больше, чем мало кто знает, в спортивной биографии знаменитого десятиборца утверждены новые дисциплины: комплекс «Готов к труду и обороне СССР», выигранный Василием Кузнецовым, считается с читателями по этому поводу.

ПУТЬ В БОЛЬШОЙ СПОРТ

Василий КУЗНЕЦОВ

Легкоатлетическое десятиборье принято называть жемчужиной спорта. И это действительно самый универсальный вид состязаний: в течение двух дней атлет выступает в четырех видах бега, в трех видах прыжков и в трех видах метаний! Десятиборцу нужно быть сильным, ловким, выносливым, обладать исключительной выдержкой и силой воли. Зато ни один вид спорта не дает такого совершенного физического развития, как десятиборье.

С большим интересом ознакомился я с новым комплексом ГТО. В сущности, это то же многоборье, только более разностороннее. Ведь в новом комплексе, кроме

семи видов легкоатлетического десятиборья, есть еще плавание, лыжные и велосипедные гонки, стрельба и гимнастика.

Правда, все это входило и в старый комплекс ГТО, однако порядок сдачи норм сейчас совершенно иной — более интересный, более удобный и, я сказал бы, более спортивный.

Собственно говоря, никаких норм по отдельным упражнениям не существует, есть лишь перечень видов спорта, по которым нужно выступить в состязаниях. Результаты, достигнутые на них, оцениваются от 1 до 100 очков и больше. Чем лучше достижения, тем выше оценка. Чтобы получить значок ГТО I-й ступени, юноше нужно на

брать в восьми видах состязаний 240 очков, а девушке — 200. И немалое, в каждом виде сколько будет «заработано». Важно набрать определенную сумму очков и ни в одном не иметь нулевой оценки. В этом громадном преимуществе нового комплекса ГТО: он более доступен, более удобен. Ведь нередко бывает, что у физкультурника не получается какое-либо упражнение, не дается ему какая-либо норма. Случилось однажды такое и со мной во время сдачи норм ГТО I-й ступени. Я довольно легко выполнил все нормы, но мне долго не удавалось пробежать на лыжах десять километров быстрее 1 часа 10 минут. Мои товарищи давно уже получили значки, а я никак не мог ликвидировать «хвост». Теперь такого положения уже не может быть: если юношу постигнет кое-какая неудача, он всегда сможет в других видах наверстать упущенное.

Новый комплекс отличается и своей простотой. На всех трех ступенях испытания в основном проводятся по одним и тем же упражнениям. Нет нужды на каждой ступени осваивать новые виды спорта; от физкультурника требуется лишь повышать уровень достижений, а следовательно, больше тренироваться.

Положительным в новом комплексе является и то, что лучшие достижения поощряются. Для этого на каждой ступени установлено по два значка, для оценки «хорошо» и «отлично». Чтобы получить «отлично», требуется набрать сумму очков, почти вдвое большую, чем для оценки «хорошо». Таким образом, в каждой ступени как бы выносятся еще по две ступеньки трудностей, а всего их шесть. По такой «лестнице», конечно, легче начать восхождение на вершину спортивного мастерства.

Всем, кто жалеет быть слабым, здоровым, кто хочет со временем стать хорошим спортсменом, совету я прежде всего освоить комплекс ГТО. Тренируйтесь и выступайте в состязаниях, вы получите отличную физическую подготовку, познакомитесь с различными видами спорта, попробуете в каждом свои силы, проверите свои способности. Ведь именно так начинали ныне известные спортсмены, ищущие путь в большой спорт.

Нередко можно услышать спор: какой вид спорта лучше и важнее? Приверженцы различных «спортивных специальностей» утверждают, что именно тот вид спорта, который они избрали, дает лучшее физическое развитие. А вместо того чтобы бить толку спорте, не лучше ли провести соревнования между различными спортивными секциями по всему комплексу ГТО? Это так просто! И кто бы ни вышел победителем в этом соревновании, выиграет его все участники, потому что у каждого повысится уровень общей физической подготовки.

Новый комплекс «Готов к труду и обороне СССР», безусловно, сыграет огромную роль в выполнении задачи, поставленной партией и правительством перед спортивными организациями — в ближайшем семилетии увеличить ряды физкультурников до 40—50 миллионов и за это же время подготовить более 30 тысяч мастеров спорта.

Поистине величественная задача!

Спасция

Рассказ

Поль ударил по камню лопатой с такой силой, что из-под нее посыпались искры, и закашлялся от дыма. Он проклинал себя за то, что прислушался к разговору на железнодорожной станции. Говорили, будто можно заработать кучу денег, если завербоваться в отряд по борьбе с пожарами в Калифорнии, о которых столько писалось в газетах. Пока что Поль получил от этой работы только дешевый хлопчатобумажный костюм, пару грубых башмаков и порцию тушеного мяса в армейском котелке. Из-за этих благ он трясся двадцать миль в грузовике, чтобы добраться из Лос-Анжелоса до опаленных пожарами холмов, простоя час в очереди за спяцедеждой, еще один час — за тушеным мясом и затем проработав всю ночь напролет. Это была кошмарная работа: пламя опалило волосы, раскаленная земля даже сквозь толстые подошвы башмаков обжигала ноги, дым разедал легкие. Временами Полло казалось, что он сойдет с ума, если не вдохнет немного свежего воздуха.

И все же работа шла своим чередом... Сотни людей гасили пламя, разражали встречные пожары, вырубали кустарник. Посыпую спавшими горюче жалобой «Если мы должны рубить эти кусты, почему нам не дают специальных ножей? Кто толку в этих проклятых лопатах?»

Лопата стала для завербованных символом мучений. То там, то здесь люди швыряли лопаты на землю, топтали их с проклятиями и снова поднимали, когда приладок ярости утихал.

В полночь, когда основные очаги пожара были ликвидированы, раздалась команда: — Третья смена, содей! Принесите лопаты и передайте их четвертой смене!

Это кричал десятник. Вокруг него соборались рабочие третьей смены, он объявил:

— Сделает переключку. Надо проверить, кто работает. Сегодня в два часа получите деньги. Отвечайте громче, когда я буду звать вас.

— Но ведь сегодня воскресенье!
— Я уже сказал, что деньги вы получите сегодня. Начнем переключку.

Десятник вынул карандаш с крошечной лампочкой на конце, зажег ее и стал отмечать в списке.

— Боб Андерсон! Лонни Билл! Гарри Дивер!

В ответ раздавалось громкое «есть». Очередь дошла до Поля Луркина, он тоже крикнул «есть». Затем десятник назвал имя и не услышал ответа.

— Айн Пендлтон! Айн Пендлтон!

— Он где-то здесь.

— Почему же не отвечает?

Поль вдруг встrepеннулся, вспомнив парня, вместе с которым он очинил участки от вереска. С тех пор этот рабочий не появлялся ему на глаза. Поль выбрался из толпы и быстро побежал вверх по склону холма. За холмом, среди кустов вереска, еще охваченных огнем, он заметил своего недавнего напарника, ничком лежащего на зем-

ле в клубах густого дыма. Поль набрал в легкие побольше воздуха, бросился к пострадавшему, схватил его за воротник хлопчатобумажной куртки и поволок из кустов. Затем, поняв, что едва ли удегаст так вытащить парня из огня живым, попытался поднять его, но запас воздуха в легких кончился. Поль сделал глубокий вдох и скрючился от боли: дым разедал ему горло.

Опустившись на колени и глотнув немного воздуха у поверхности земли, он с усилием приподнял задохнувшегося товарища и втащил себя на спину. Пошатываясь, Поль стал пробираться сквозь дым и пламя. К нему подбежали рабочие и помогли донести Айка к ложбине, где находился десятник и где воздух был свежее и прохладнее.

— Куда делась его лопата? — закричал десятник. — Он должен передать ее...

— К черту лопату! Дайте ему лучше воды!

— Я дам ему воды, но сперва...

— Воды, воды! Где тележка с водой? — раздались негодующие крики рабочих.

Десятник наконец понял, что спасти человеческую жизнь важнее, чем сберечь лопату. Он распорядился сделать Айку искусственное дыхание и принести воду. Мало-помалу Айн Пендлтон начал приходить в себя. Он закашлялся, глубоко вздохнул; потом его стало рвать. Рабочие обмыли лицо Айка водой.

Вскоре он поднялся на ноги и, пошатываясь, с какой-то удивительной, звериной живучестью поплелся в сторону лагеря.

— Где мою шляпу? Кто взял мою шляпу?

Когда ему нахлобучили на голову шляпу, он вдруг снова опустился на землю.

— Помогите ему добраться до койки.

— Сперва отнесите его в списки!

— И отметьте всех остальных. Вы должны только до буквы «П».

— Ну, ладно. Продолжим переключку. Ритер!

— Есть!

Рисунок А. Лурье.

Когда переключка закончилась, уже начало светать. Поль и кто-то из рабочих подхватили Айка под руки и, поддерживая его, медленно побрели по пыльной дороге к лагерю, расположенному в полукилометре от рабочего участка.

Проснувшись, Поль растерянным взглядом окинул палатку, которую занимал вместе с пятью товарищами. Двое из них брились, третий только что вошел с полотенцем через плечо, волосы его были влажны и гладко причесаны.

— Вон там в палатке есть душ.

Поль достал безопасную бритву, всунул ноги в башмаки, побрился и высочил из палатки в одном белье.

— Эй, ты! — раздались чей-то предостерегающий окрик.

Поль огляделся по сторонам. Поблизости стояло несколько автомашин, около них женщины разговаривали с людьми в синих хлопчатобумажных костюмах.

— Сегодня воскресенье, парен, день посещений. Женщины приехали сюда, чтобы навещать своих близких. Начини-на что-нибудь на себя!

Поль надел свой рабочий костюм, взял полотенце и мыло, пошел к палатке, где был душ, и стал раздеваться. Ему давно не приходилось принимать настоящей души. Хотя вода была прохладной, Полло стало очень приятно. В палатке он надел грешбашок, вымыл его, причесал волосы, оделся и, вернувшись к себе, убрал полотенце и оправил койку. Потом стал в очередь за завтраком, впрочем, за обедом, так как уже был полднем. На обед давали мясные консервы с кашей и маршмаллом, пирог с абрикосовым вареньем и кофе.

Поль поел с волевой жадностью, вымыл котелок и почувствовал себя бодрым и пол-

ным сил. Он снова стал в очередь — на этот раз за деньгами — и вскоре получил четыре с половиной доллара за девять часов работы. Поль с любовью разглядывал бумажки. До его сознания вдруг дошло, что за двадцать два года жизни он впервые заработал деньги трудом. Ожидая два года назад шагу, Поль искал работу, но найти ее было просто невозможно: вся страна кишела безработными. Он убежал из дому и начал жизнь бродяги: ездил в товарных вагонах, попрошайничал, спал в ночлежках.

Слушаю деньги в кармане, Поль подумал: идею есть в предстоящую ночь заработать еще! Около палаток стоял десятник и говорил окружающим его рабочим:

— Сейчас нам удалось остановить огонь, но за этим надо смотреть в оба, и ночью, вероятно, опять придется работать. Все женщины должны обязательно записаться у меня на этом самом месте в восемь часов вечера.

Территория лагеря теперь наполнилась людьми, кругом царил суматоха и возбуждение. Повсюду виднелись автомашины, большей частью сильно подержанные, окруженные опрятно одетыми женщинами, детьми и стариками. Они приехали сюда навести своих близких, занятых трудом в палатках, торговать с мороженым, жареной кукурузой и прохладительными напитками выстроились в ряд. Дорога на протяжении полумили по обе стороны от лагеря протрещала укреплёнными на шестах флажками с названиями протраченных товаров. Газетные репортеры и фотографы были уже тут как тут. Как только десятник отошел от рабочих, репортеры стали расспрашивать его о пожаре, о количестве людей, занятых борьбой с огнем, и о несчастьях случившихся.

Несчастьев случаев не было, совсем не было. Впрочем, нет, сегодня утром один из рабочих немного наглотался дыма и потерял сознание. Другой парень рязиский его и вытаскил из огня, так что...

— Как имя того рабочего?

— Не помню. Но вот парень, который помог ему, он, наверно, знает.

Поль тут же окружил и стал засыпать вопросы. Он назвал имя Айка и свое имя. Репортеры начали усидливо расспрашивать Айка, но так и не смогли найти его. Тогда они решили, что главным действующим лицом был не Айка, а Поль, и заставили его сфотографироваться для газеты.

— Эй, приятель, не станисис только у грузинских мороженых. Мы все не собираемся в нашей газете бесплатно рекламировать мороженое. Стань-на лучше вон там, у палатки.

Поль стал там, куда ему указали. Двое или трое ребят из третьей смены рассматривали, как все произошло. Репортеры поспешно занесли что-то в блокноты. Фотографы сделали несколько снимков. Кругом собралась толпа.

— А вы не запишите, что в это горючая Спуюкей близ Вашингтона? Хочу, чтобы рабочие прочли об этом случае в газете. Запишите: Спуюкей близ Вашингтона.

— Хорошо, мы напишем это.

Репортеры разошлись так же быстро, как и появились. Толпа стала редеть. Поль повернулся, чтобы уйти. Вдруг он услышал за спиной себя чей-то голос:

— А ведь совсем недавно, если вы еще попадете в газету!

Он обернулся и увидел несколько ухмыляющихся лиц. Однако никто не смотрел на него. Спной к Полью стояла девушка в голубой пальто, которая, Поль заметил, сразу же решил, что эту фразу сказала она.

Он внезапно нахлынувшего чувства какой-то безаботной легкости у него окружились голова. Это чувство начало расти в нем с тех пор, как он получил свои первые заработанные деньги, с тех пор, как репортеры сделали его героем дня.

— А вы разве против того, чтобы мой снимок попал в газету!

Девушка засмеялась и, слегка покраснев, ответила:

— Нет.

— Серьезно?

— Конечно, но только вы особенно не задавайтесь.

— Ну, что вы... Со мной этого не бывает... Как это относится к мороженому?

— Ничего не имею против.

— Эй, дружище, два стаканчика мороженого!

— Шоколадного, пожалуйста.

— Молодые люди, давайте порции!

— Молодые люди взяли стаканчики, и Поль увел девушку в сторону от ухмыляющихся зевак, которые порядком стали раздражать его. Она искоса поглядывала на него, и Поль заметил, что девушка как-то помянула Боглазас, а Белокружные волосы. Поль решил, что она его ровесница. Почувствовав пристальный взгляд своего спутника, девушка снова застенчиво улыбку и покраснела. Затем она сосредоточила все свое внимание на мороженом, которое весьма искусно вычерпывала из стаканчика. Поль не ожиданно спросил:

— Слушайте, а что вы здесь делаете?

— Да просто приехала посмотреть на пожар.

— Ну, и видели его?

— Нет еще.

— Тогда я покажу вам.

— А вы разве знаете, где был пожар?

— Еще бы! Поюдите туда!

Он повел девушку, однако не в место пожара, а к оврагу, через выжженный участок кустарника, где еще вчера бушевал огонь. Пройдя около мили, они очутились в маленькой роще у ручья. Там росли величественные деревья, густой лиственный полог. Стояла полная тишина. Воскресные гости, очевидно, не знали об этом месте.

— Взгляните на деревья! — огонь и не коснулся их, — заметила девушка.

— Да, пламя иногда перескакивает с одного холма на другой.

— Как здесь хорошо!

— Давайте посидим.

— А я не испляскаю патья?

— Я постелю на землю пиджак.

— Хорошо.

Они сели на траву. Поль взял девушку и потонул в ее губам.

Было уже поздно, когда девушка решила вернуться в лагерь, опасаясь, что ее начнут расспрашивать. Оказалось, что в лагере работавшие в день, что она родилась, приехали посмотреть его, а заодно и посмотреть на пожар. Девушка улыбнулась, вспомнив, что пока еще не видела ни того, ни другого. Оба они помыслили над этим и медленно пошли назад, держась за руки. Поль предостерег девушку от того, чтобы небыло происшествий. Девушка ответила, что ее родственники захватили с собой еду.

Наконец молодые люди растались. Она задержалась в толпе, а он пошел в палатку за котелком, где выстраивалась очередь за жареном. Поль увидел, как голубое платье, мелькнув между палатками, исчезло вдаль. Что-то подступило у него к горлу. Поль казалось, что эта девушка, с которой он совсем недавно познакомился, помянула, была совсем другим человеком. Поль вспомнил, что в каком-то смысле существом во всей его безрадостной жизни.

Когда Поль поужинал, вымыл и убрал котелок, ему захотелось покурить. Он пошел по дороге к киоску, купил там пачку сигарет и закурил. Океан был совсем близко, и в каком-то смысле вдалеке от дороги. Поль вдолнул полной грудью воздух, насыщенный ароматом океана. Приятная истома охватила все его существо. Ему так не хотелось не работать!

Прислушиваясь к лагерю, Поль увидел ту самую девушку, с которой он ходил в лес, рядом с Айком. Аик что-то сказал ей, и она отошла от него на несколько шагов. Сияя кулаки, Аик последовал за ней. Люди вокруг пристали. Аик стал ругаться, и девушка заплакала. К ним подошел полисмен, развел в разные стороны. Толпа снова загудела. Пожарная женщина — родственница девушки — громко причитала:

— Сидите расбеснован в том, что она пошла с каким-то парнем посмотреть на пожар! Аик не живет с ней больше и не поможет ей, да и никогда не помог! Она приехала сюда вовсе не для того, чтобы поглядеть его: ведь она даже не знала, что Аик здесь. Бог ты какой! По бедной девушке не может хоть раз в жизни хорошо провести время!

Тогда Полью стало ясно, что эта девушка была женой Айка. Поль присел на буфер грузовика, нервно потягивая сигарету. Какие-то рабочие глядели на него, перешептываясь, — это были те самые зевки, которые подсматривали над ним, когда он покупал мороженое. Полисмен подошел к себе родственнице девушки и что-то вполголоса сказал ей. Женщина вместе с девушкой и двумя детьми поспешила к автомашине. Полисмен повернул на Айка и отошел к дороге.

Аик пошел в сторону, поднял ослепленный искрами прелек, присел на коротком пиджак и принялся за прерванный ужин. Он утробно жевал, согнувшись над котелком. Темнею, стало зажигаться фонари. Два мальчика нерешительно подошли к Айку и показали в сторону Полья.

— Слушайте, вон он. Сидит у грузовика.

Аик даже не поднял глаз. Но когда мальчики подошли поближе и снова стали что-то говорить ему, он вдруг вскочил и погнался за ними. Прогнав мальчишек, Аик вернулся к палатке.

Женщина уже сидела в машине и тешно пыталась завести мотор. Он завелся, женщина нажала педаль газа, но после серии хлопков замолкла снова. Когда женщина включала скорость, машина только покачивалась на колесах, но не двигалась с места. Это продолжалось несколько минут. Люди начали причитать: «Ваше дело лучше поладить, «Уберите эту проклятую керосинку!»

Рваные мотора повторилось по крайней мере в двадцать раз, и Аик вдруг не выдержал, вскочил, бросился к машине. Толпа ринулась за ним. Поль, подогнанный какой-то необъяснимой силой, тоже победил с остальными. Когда он приблизился через толпу, Аик был уже на подножке машины. Дети, сидевшие в машине рядом с девушкой в голубом платье, подняли отчаянный крик, люди старались оттащить Айка от машины. Он был в Аик стальной нож.

— Я убью ее сейчас! Убью...

— Ах, вот как?

Поль схватил Айка за шиворот и, равную, убрался вправо, давая толпе пройти. Поль почувствовал удар по лицу — это женщина стукнула его сумкой.

— Убирайся отсюда! — кричала она. — Убирайся!

Аик смотрел на Полья, губы его судорожно кривились, темно-серые глаза злобно сверкали. Но голос Айка был приглушен, как будто Аик пытался сдержать свою ярость:

— Прочь с дороги! Нечего тебе соваться в чужие дела!

Поль хотел ударить Айка кулаком, но промахнулся. Тогда Аик взмахнул ножом. Поль заслонился левой рукой и почувствовал, как сталь взрезала в него правую руку и левую ногу. Аик отступил, пошатываясь. Сзади Поль лежала куча лопат, о которую он чуть не споткнулся. Схватив одну из них, Поль размахнулся и ударил Айка по голове. Тот упал на землю. Поль стоял, ожидая, что Аик ударит его сумкой, но этого не случилось, которую он провлял ногой. Но Аик не шевелился. Девушка в машине стала вскрипывать.

Полиция, карета скорой помощи, пыль на дороге, фонари, доктор, что-то делавший с его рукой, — все это проплыло перед глазами, как туман.

В отдалении кто-то кричал:

— Пустите меня к телефону! Я должен позвонить в газету, говорю вам! Парень, который утром спас своего товарищу жизнь, вечером убил его! Какая чертовская сенсация!

Поль старался вспомнить в смысле этих слов, но мог... Позднее десятник и стал громко выкрикивать: «Имена рабочих третьей смены. Поль услышал и свое имя, но не ответил — ему надлежало ручнички и втолкнуть в машину.

Перевел с английского И. ВИБЬКОМЕР.

Что такое филателия и как ею заниматься? Филателистиче- спрашиваете вы? Пожалуй- ста, я вам расскажу.

В каждом человеке дремлет филателист, и поэтому рано или поздно филателист обнаруживается в каждом коллективе. Представьте себе, что этот филателист — вы и однажды вы завяли об этом.

— Как? Вы собираете почтовые марки? — удивится ваш сослуживец. А вы думаете, только дети собирают марки?

За этими словами стоят другие, осуждающие: «Серьезный человек, а занимается ребячеством!» На протяжении нескольких дней тот, перед кем вы обнаружили свою «странность», не может сдерживать снисходительную улыбку при встрече с вами. Не один и не два сотрудника, а все по очереди удивляются, удивая о вашем увлечении. Вы читаете микролекция о марках, о собирательстве. Ваши слушатели в это время «прощупывают» вас психоаналитическими вопросами.

На очередной конференции по обмену опытом работы вы делаете доклад, ну, например, о постановке бухгалтерского учета на предприятиях своего профиля. Едва начинаете свое выступление, замечаете, что один ваш сотрудник, задумав играя карауником, пытаясь смотрит на вас, и вы читаете его мысли: «Относиться ли к докладу серьезно или сделать поправки на помешательство, первые признаки которого выразились в собирании почтовых марок?» Переносит взор на другого сотрудника, вы читаете в его мысли: «Собирает марки, а говорит о серьезном деле...» Нет отрады вашему взору. На лице начальника отдела кадров написано сожаление: «Филателист! А хороший был работник...». Несмотря на это, вы уверенно заканчиваете доклад. Вы знаете, ваше время придет.

— Скажите, это действительно интересно и полезно — собирать марки? — подлетит однажды к вам избураженная особа из другого

отдела. — Вы знаете, вчера мой шестилетний сын говорит: «Мамочка, я буду собирать марки». Я даже заплакала: «Боречка! Милый! Откуда это у тебя? Где ты заразился?» Вы понимаете, а его никуда не пускаю, он все время дома с бабушкой и ходит на дачку только к знакомым на новгородную елку. Я всегда так оберегала его от всяких эпидемий, но у меня даже корью не болел, и вот — пожалуйста!

Затем утешку, вы солидно начинаете излагать эстетику и технику коллекционирования. Слушательница неадекватно перебивает вас:

— Я немедленно устроила допрос бабушке, севрюки, и вы представляете, что я узнала? Ужас! Оказывается, один из братьев отца моего мужа и я не знаю, как называется это родство, — тоже собирал марки! Это что же, наследственное?

Оказывается, на новгородской елке сын хозяев квартиры, ученик четвертого класса, показал гостям свою коллекцию марок. И вот теперь вы, как можете, утешаете даму, уверяете ее, что это не смертельно, что, если человек заразился филателией в шестилетнем возрасте, «болезнь» может еще пройти, не оставив даже следа (не то, что оспа), но она может повториться на протяжении жизни (не то, что корь), и если его заболеть в старости, то шестилетнее, это уже неизлечимо.

Узнав, что филателия может поразить человека в любом возрасте, дама отказывается от персонального визита — читать сына, решая примириться и даже купить ему альбом с марками.

Идут недели. Постепенно вы замечаете, что в могох сотрудников происходит какая-то эволюция, определенная перемена ценностей. Первое время, узнав о вашей коллекции, то один, то другой сотрудник будет приносить вам марки, по одной, по две. Один отдает вам марки с трепетом советским спутником от конгресса, в котором ему

пришло письмо из Ленинграда; другой принесет вам марку Австралии, несомненно как и самому коллекционеру и оторваную от конверта с мясом, как иногда отрывают пуговицы.

Ваша коллекция становится делом всего коллектива. Вы разуетесь, что все ваши знакомые несут вам марки, как пчелы несут взмок в улей. Для вас выпрашивают марки у соседей, привозят марки из отпуска. Коллекция растет неслыхно. Но всему этому приходит конец.

Секретарша директора, которая получает почту на учреждение и у которой вы регулярно получаете марки, в один прекрасный день отвечает вам, что марок нет и больше не будет. Вы перебираете в уме события последней недели, стараетесь понять, почему попали в неприятности, но секретарша отвечает застенчиво:

— Знаете, я тоже решила собирать марки...

Вы неместе, вы готовы взять назад все беседы, которые провели с нею, пропагандируя филателию по моему 주소. Еще одним филателистом на планете стало больше.

Дальше — как лавина, как цепная реакция. У одного сотрудника марки стали появляться сыпавкой, у другого им начала увлекаться вичука... Директор предприятия не собирает марки, но знаменательно, что однажды и он служебный разговор с вами перешел на марки, хотя все знает его как большого любителя скачек и рыбной ловли.

Едва ли после этого можно удивляться, что дама, которая была напугана филателистскими проказами своего Боречки, стала знаком марок. Ее не охладила и не испугала даже разговор с вашей женой (единственным человеком, который пока не поддастся этой болезни). Ваша жена, жена ветерана филателии, стала жаловаться на вас: «Ох, уж эти марки! Вы не представляете, какая это губительная, всепоглощающая страсть! Это — разорение для семьи! Это —

Рисунки Е. Гурова

горе для жены! Я скоро скажу ему: или я, или марки!»

Однако вот и моя жена идет, пора кончать разговор о марках. Что? Как же я стал филателистом? Да вот так, можно сказать, помимо своей воли... Начал с отрядов, кончил энтузиазмом. А вы еще не собираете марок? Будете?

СПРАШИВАЮТ — ОТВЕЧАЕМ

ЧТО ТАКОЕ ПАМЯТЬ?

Из письма в редакцию:

«Недавно у меня с товарищем зашел спор о том, что такое память, и в частности зрительная память. Один утверждал, что это — природное качество; второе утверждал, что это — способность можно развивать особыми приемами. Мнения разошлись, и мы решили написать в вашу редакцию».

По поручению товарища Юрий Рабинер, военное училище».

Московский областной.

Память — это способность сохранять и воспроизводить все то, что человек воспринимает в процессе познания окружающей действительности. Короче говоря, память — отражение опыта прошлого.

Память позволяет человеку овладеть знаниями, развивать свой кругозор. Но, прежде чем выучить материал, нужно осмыслить его смысл, выинуть у его сущности. Это первый этап работы над текстом и учебником. Изучив текст надо разбить на «мыслевые блоки», ответить на вопросы, составить письменный план, конспект или реферат текста. Второй этап работы — воспроизведение изученного материала, прочтение его вслух, и т. д. Третий этап — закрепление текста путем повторения. Чтобы лучше запомнить материал повторить его следует не тотчас же, а через день — через неделю. Повторение — молодые люди обиходят на плохую память, а сами не соблюдают порядка изучения материала. Они пытаются взять материал «с ходу», механично, при такой работе человек даже с идеальной памятью не в состоянии приобрести прочные и полезные знания.

У каждого из нас обнаруживаются индивидуальные особенности памяти. Одним, люди обладают хоро-

шей памятью на имена и фамилии и в то же время плохо запоминают лица. Другое легко выучивают стихи, но плохо запоминают номера телефонов, математических формул. Существует два типа памяти: образная и словесно-логическая. Люди образного типа памяти для информации используют картинки, мысленно воспроизводят образы и словесно-логический тип памяти, прежде всего вспоминая основанные на словах сведения.

Важно подчеркнуть, что образный тип памяти чаще встречается у работников искусства — актеров, музыкантов, художников, у словесно-логический тип чаще бывает у ученых. Неправильно было бы ставить вопрос о какой-либо памяти лучше. И тот и другой одинаково хороши при правильной организации от воспитания, тренировки, профессии. Известно, например, что Моцарт обладал феноменальной слуховой памятью (образный тип). Прослушав один раз сложнейшую музыкальную произведе-

ние, Моцарт мог в точности и без труда воспроизвести его.

Одним людям нужны зрительные восприятия, другим — слуховые, третьим — графические изображения. Для памяти необходима прежде всего развивать способность запоминания. А оно, в свою очередь, зависит от общего развития человека. Чем больше человек знает, тем легче ему устанавливать ассоциации, сопоставления, которые лежат в основе запоминания, тем более прочной и богатой будет его память. У мало знающих людей низка богатость ассоциаций, следовательно, будет больше трудностей при освоении какой-либо незнакомой им области знаний. Наконец, одним из непрерывных источников памяти является организованность, систематичность умственной работы.

В этой заметке мы, разумеется, не смогли рассказать о всех вопросах, касающихся памяти. Мы остановились лишь на главных.

Профессор Д. ФЕДОТОВ, директор Института психологии РАН

IV. РАЗБОР КОМБИНАЦИИ

(Продолжение. См. «Смену» № 4, 5, 6)

Шахматная игра немаловажна без комбинаций. Без них она превращается в механическую перестановку фигур. Именно комбинация придает игре художественную окраску, доставляя шахматистам эстетическое наслаждение.

Комбинации бывают самых различных видов, типов, тем. Целью одной является непосредственный мат неприятельскому королю, других — достижение материального преимущества третьих — получение наилучшего выгода позиционного характера, то есть лучшего расположения фигур. Но сплошь и рядом встречается комбинация оборонительно-оппортюнистического свойства, которые изобретают шахматисты.

Предлагаем вниманию читателей нашей олимпиады десять похвальных комбинаций.

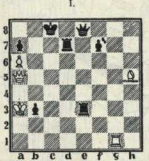

Иллюстрация к задаче VII.

Всего — Кр2, Фс2, Лд1, Кс3, Кд3, пп. в2, с3, с4, е5, е2, г3 и в3 (12 фигур).
Черные — Кр7, Фс6, Лс8, Лд8, Кс7, Кд7, пп. е5, е6, в7, г7, в6 (11 фигур).

Ход черных. Укажите, по какой дороге, правильный путь к достижению ничьей.

VIII.
Всего — Кр1, Фд1, Лб3, Лг1, Чд1, Сс3, Кс6, пп. с3, Лг2, Лд2 и Кг1 (11 фигур).
Черные — Кр7, Фд4, Лд8, Лв8, Сс6, Сс6, Кс6, Кг6, пп. в7, в5, е5, г5 и в5 (14 фигур).

Всего повесил чувствительные потери, а у них не хватает воян и двух пешек, а шашки атакованы выходящего с рокировки черного короля нацелены на реальные. Какой все же является комбинация интересна у белых и к чему она приводит?

IX.
Всего — Кр1, Фв8, Лг1, Сс6, Сс6, пп. а2, с3, е5, f2 и Кс3, Кг8, пп. в7, в6, г7 и в6 (10 фигур).

Черные — Кр7, Фс7, Лг2, Сс7, Кг8, пп. е5, f7 и в6 (8 фигур).

Норский белых экспонирован и находится в катастрофическом положении. Какой ход позволяет черным форсировать победу?

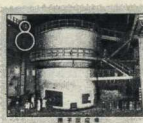
Иллюстрация к задаче X.

Ход белых. В этой ободорожной позиции партии была отложена. Какой результат можно отрапортовать при присуждении?

За верную оценку каждой из десяти позиций участники соревнования засчитываются по баллам. Жюри просит прислать возможно более полные ответы с исчерпывающим разбором предложенных комбинаций.

Срок отправления писем — по четвертому разделу — 30 июня с. л.

Мастер В. ЛЮБИМОВ

ЦВЕТ СВОБОДЫНА КИТАЯ

Дорогие товарищи!

Посылаю вам рукопись маэру с изобретением моего атомного реактора, который не так давно создан в Китайской Народной Республике. Это словесное сооружение свидетельствует о необычайном расцвете науки, техники и культуры в нашей стране, о том, что китайский народ под руководством Коммунистической партии и товарища Мао Цзюна вступил в новую эру мирового использования атомной энергии.

ФАН ЛИ-СИНЬ, студент Шанхайского института иностранных языков г. Шанхая.

Экспериментатор Федор Лычин и не подозревая, что вместе с грибом он получил на самом деле целое состояние. Так и не узнав, было ли это по его вкусу, ели бы не молодые рабочие, участвующие в строительстве социалистического государства? М. Иванов, Т. Петрина, П. Чалый. Они первыми обратили внимание на аккумуляющую чашку.

Клад вывал громадный и девчат. Из рук в руки перепадали денежные знаки, вымученные в 1918—1919 годах «внураженными силами на юге России», то

«К Л А Д»
есть деннинской армян. На десятирублевых, сотнях и тысячах было начертано: «Вылеты государственного назначения подлежат оплате на денежные знаки Единых Российских Провителств». Это и являло холост рабочих советской промышленности. Они от души смеялись над неважностью деннинского изданием, которое оставило по себе такую курьезную шутку.

П. МОРОЗОВ г. Сочи.

БЕЛЫЙ КОТИК

На острове Медный мне довелось увидеть сопереию белого котика. Он настолько отличался от черных сорочидей, что его легко было заметить среди тысяч зверей, попишавших на лежбище. Старожилы этих мест утверждают, что в многие годы, проведенные на котинных промыслах, им впервые встретился такой белый котик — альбинос.

М. МАРАНОВ о. Беринга, село Никольское.

Фото автора.

КРОССВОРД

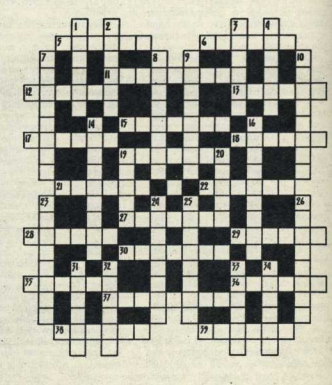
Составил Ф. Антониди

По горизонтали:

- Героическая драма Гете, мура которой написана Ветховеном, 6. Кинороном 8. Строительные доменные печи. 9. Морская слава, завоеванная в Жуковском. 10. Народность Южной Африки, автор формирования первоначального гитетом. 15. Столица автономной советской социалистической республики. 17. Форма для отливки изделий. 18. Крупный советский архитектор, участник строительства Центросоюза. 19. Видный культурный и общественный деятель Белоруссии XVI века. 21. Первый лирический пролетарский поэт. 22. Дитящие или растительные продукты от саранчавых разных пород. 27. Музыкальный жанр, характерный для чеченского народа. 28. Периодическая печать. 29. Ритмический музыкальный жанр из трех равнозначных нот. 30. Длинный топор. 33. Минерал синего цвета, мадная руда. 36. Промысловая работа артиста. 37. Птица семейства ибисов. 38. Пьеса М. Горького. 39. Герой в романе А. Герцена «Кто виноват?»

По вертикали:

- Порт на азиатском побережье Мирового океана. 2. Французский писатель-реалист, художник. 3. Германский участник Куликовской битвы. 4. Вид термической обработки слитков после заливки. 7. Герой Советского Союза, русофобический подпольный комсомольский организатор на станции Оболь в Белоруссии. 8. Германский писатель, автор популяризации теории относительности. 9. Получается на строительных работах. 10. Гимназия, аббатство чешского короля. 14. Одна из древнейших систем измерения радиоактивности вещества. 19. Английский писатель-сатирик XVIII

венз. 20. Центр добычи конуется уголь на западе Грузии. 25. Фамилия великого русского поэта. 28. Помышение утилитетности скота, гитиды. 33. Поимение о международной организации. 34. Персонаж оперы Верди «Травиата».

Волжский испанский художник XVII века. 31. Путь движения небесного тела. 32. Помышение утилитетности скота, гитиды. 33. Поимение о международной организации. 34. Персонаж оперы Верди «Травиата».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8.

По горизонтали:

- Полов. 6. Меншерский. 12. Кулибин. 13. Угольное. 14. Скотт. 17. Вильямс. 19. Арифметика. 20. Историю. 22. Менделеев. 25. Ронинг. 27. Бастер. 30. Райне. 31. Мирон. 32. Робсон. 37. Коменский. 38. Верещагин. 39. Моцарт. 40. Пушкин.

По вертикали:

- Вене. 2 Шорс. 4. Верн. 5. Ист. 7. Рамо. 8. Пушкин. 9. Абонин. 10. Опарин. 11. Делавин. 12. Кант. 18. Тамар. 18. Сибелус. 19. Андреев. 21. Обер. 23. Ветгин. 24. Идлер. 26. Гальперн. 27. Пирогов. 28. Вайрон. 29. Войнич. 33. Девар. 34. Штраус. 35. Погор. 36. Сабур.

Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, И. Зонов, М. Луконин.

Технический редактор О. Шова.

Первая страница обложки: Первомайский салют в Москве. Фото А. Мошкова. Четвертая страница обложки: Черемуха зацвела. Фотоотд Н. Немцова.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47. 1-я улица Лисинского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д-3-84-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д-3-81-68, студенческой молодежи — Д-3-85-24, озерная и любительская, фотоклуба и спорта, информации — Д-3-86-00, писем — Д-3-81-09.

Рукописи не возвращаются.

Стартует молодость.

Фото Л. Линдгольма, г. Рига.

ИЗ СНИМКОВ, ПРИСЛАННЫХ НА ФОТОКОНКУРС.

Эстафета, посвященная 40-летию ВЛКСМ.

Фото В. Мухоморова, г. Уфа. Удмуртский.

Цена номера
2 руб.

